

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ: Жизнь Уилльяма Бранхама

КНИГА ПЕРВАЯ:

**ПАРЕНЬ
И
ЕГО ЛИШЕНИЯ**

(1909 — 1932)

Оуэн Джоргенсен

Эта книга отличается от всех прочитанных вами книг. Естественно, в повествовании немало драматизма...

Ба-бах!!! — ружьё вдруг выстрелило сблизка прямо в ноги Билли. Тот рухнул наземь, пронзительно крича от боли.

Джимми, упав на колени, залепетал сквозь слёзы:

— Билли, прости! Пожалуйста, прости! Это был несчастный случай! Я не нарочно...

Затем он хорошенько взглянул на ноги своего друга, и лицо его побледнело.

— Билли, не шевелись. Я сбегаю за помощью.

— Нет, не оставляй меня! — закричал Билли.

Но Джимми уже нёсся, как заяц, без оглядки. Когда же Билли посмотрел на свои ноги, он ужаснулся — они были прострелены почти надвое.

Но события только разворачиваются. Затем происходит сверхъестественное, что совершенным образом меняет взгляд на ход последующих событий.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ: **Жизнь Уилльяма Бранхама**

КНИГА ПЕРВАЯ:

**ПАРЕНЬ
И
ЕГО ЛИШЕНИЯ**

(1909 — 1932)

Оуэн Джоргенсен

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ: Жизнь Уилльяма Бранхама

**Книга первая
(1909 — 1932)**

0501-007-CPEd1

Авторское право © 1994
Оуэн Джоргенсен

Все права принадлежат автору и охраняются международными и панамериканскими законами авторских прав. Полное или частичное воспроизведение фрагментов текста и иллюстраций в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, возможно только с письменного согласия автора. Воспроизведение этой книги без разрешения является нарушением международных законов авторских прав.

Разрешение автора можно получить по следующему адресу:

Owen Jorgensen
c/o Tucson Tabernacle
2555 North Stone Avenue
Tucson, Arizona 85705
USA

Copyright © 1994 by Owen Jorgensen

All rights reserved under International and Pan-American Copyright Conventions. No part of this book may be reproduced in any form without first obtaining written permission from the author. This covers all means of duplication, whether electronic or mechanical, including photocopying, recording, or any other information storage and retrieval system. To duplicate this book without permission is a violation of international copyright laws.

Permission can be obtained by writing:

Owen Jorgensen
c/o Tucson Tabernacle
2555 North Stone Avenue
Tucson, Arizona 85705
USA

Где-нибудь в отдалённом уголке мира подросток искренне ищет ответы на свои вопросы:

На самом ли деле существует Бог? Если да, то где?

И кто же Он?

Интересует ли этого Бога моя жизнь?

Эта книга посвящается тебе, ЮНЫЙ ИСКАТЕЛЬ, ибо все эти вопросы стояли когда-то и передо мной.

Содержание

От автора
От переводчика

КНИГА ПЕРВАЯ: ПАРЕНЬ И ЕГО ЛИШЕНИЯ

1. Таинственное знамение при рождении
2. Первое видение
3. В тисках нищеты
4. Безжалостно избитый
5. Случайное огнестрельное ранение
6. Сокрушительный удар
7. Бегство в пустыню
8. Сопровождаемый знамением
9. Последний шанс
10. Первое испытание на веру
11. Предопределённый к сверхъестественному Евангелию

Пояснения автора
Литература и источники информации
Предметный указатель
Информация о книгах

От автора

НАЧАВ РАБОТУ над этим проектом, я сразу же столкнулся с трудным вопросом: “Какой же мне выбрать подход к изложению темы, имеющей столь мало предшественников?” Большая часть жизни Уилльяма Бранхама выходит так далеко за пределы заурядных человеческих переживаний, что описать её должным образом в ограниченном объёме книги представляется сложной задачей. В моём подходе имеются как преимущества, так и ограничения; ими я и хочу поделиться с Вами в самом начале.

Перед тем, как взяться за работу, каждый биограф должен принять ряд определённых решений. В тематическом или хронологическом порядке развивать сюжет книги? Внимание каких читателей он намерен привлечь? На каком уровне понимания следует ему писать? Какого объёма должна быть книга? Какие события следует ему включить в неё, и какие подробности описывать по каждому отдельному случаю? Следует ли ему подвергать собранный материал глубокому анализу, или он должен описывать события без каких бы то ни было комментариев? Этому списку не видно конца и края...

Я построил сюжет этой биографии в хронологическом порядке, полагая, что у читателей сложится лучшее представление о жизни Уилльяма Бранхама, если они будут наблюдать за постепенным развёртыванием событий. Многие биографы бывают “вездесущими” в своих книгах, анализируя и объясняя будущую значимость описываемых событий. Я решил не делать этого. Значение каждого события в повествовании хранится в тайне до тех пор, пока Уилльям Бранхам сам не осознаёт его значимость. Это предоставляет читателям возможность проследить за его жизнью таким образом, как прожил её он, понять развитие его характера и оценить его отчаянную борьбу в попытке постичь смысл своей необычной жизни.

Поскольку биография Уилльяма Бранхама издавалась в сжатом виде уже несколько раз, это описание я счёл нужным сделать более обширным и подробным. Мне хотелось сосредоточить внимание на событиях, насыщенных сверхъестественными переживаниями, чтобы свести анализ происходящего до минимума. В результате получилась очень увлекательная книга. Будь Вы ученик седьмого класса или профессор университета, я думаю, при чтении Вы едва ли будете успевать перелистывать страницы.

Но у этого достоинства книги есть и слабая сторона. Поскольку описание этой биографии идёт плавно и динамично, подобно захватывающему роману, некоторые читатели могут столкнуться с искушением принять её за художественный вымысел. Это будет их ошибкой. Все события в этой книге на самом деле происходили. Многие из повествований документально подтверждены в многочисленных источниках. В своём исследовании я использовал статьи из газет и журналов, книги, фотографии, фильмы и свидетельства людей, которые лично были знакомы с Уилльямом Бранхамом и являлись очевидцами отдельных сверхъестественных явлений, описываемых в этой биографии.

Однако больше всего информации я почерпнул из личного свидетельства Уилльяма Бранхама: свыше 1100 его проповедей в течение девятнадцати лет служения в стране и за рубежом были записаны на плёнку. В большинстве из них он рассказывал о своих сверхъестественных переживаниях и неоднократно говорил о событиях, которые только что произошли с ним, описывая их подробно и включая также диалоги. (Подробнее об этом Вы сможете прочитать в “Пояснениях автора” в конце книги.) Часто Уилльям Бранхам говорил и о том, *что он сам думал*, когда происходили эти события. (Мечта биографа сбылась!) Обилие таких подробных, достоверных и сугубо личных первоисточников послужило благоприятной почвой для написания этой биографии в таком захватывающем стиле, какой я избрал. Я считаю, что достоинством этого подхода является и тот факт, что у этого повествования нет внешнего лоска, лоска научности. Моя цель написания этих книг заключается в том, чтобы Вы, читая эту биографию, лучше познакомились с одним из самых выдающихся людей нашего поколения и одним из величайших мужей всех времён и эпох.

Оуэн Джоргенсен, 1994 г.

От переводчика

ПРИМЕЧАНИЯ переводчика приведены здесь для того, чтобы облегчить чтение как этой, так и последующих книг.

Все видения и сны, а также некоторые другие сверхъестественные явления, происходившие в жизни Уилльяма Бранхама, я решил выделить *курсивом*, чтобы их можно было легко отличить от основного текста.

Поскольку первые три книги посвящены, прежде всего, юным искателям, я приводил в сносках объяснения неизвестных или малоизвестных слов и терминов. Не все русскоязычные читатели слышали, например, о *Даниэле Буне*, *ку-клукс-клане*, *скунсах* или *опоссумах*, поэтому сноски с пояснениями об этих американских политических деятелях, организациях, животных и т.д., а также о других понятиях из различных сфер человеческой деятельности помогут Вам лучше понять содержание этих книг.

Информация, помещённая в сносках, была взята из различных энциклопедий и словарей в книжном и компьютерном формате. Для объяснения некоторых библейских и христианских понятий я использовал “Библейский словарь” Э. Нюстрема, “Библейскую энциклопедию Брокгауза” (Ф. Ринекер, Г. Майер), а также другие энциклопедические источники.

В конце моих сносок в скобках помещено сокращение (*Пер.*), т.е. “*переводчик*”. Сноски, не оканчивающиеся этим сокращением или же отмеченные в конце сокращением (*Авт.*), принадлежат автору.

КНИГА ПЕРВАЯ:

**ПАРЕНЬ
И
ЕГО ЛИШЕНИЯ**

(1909 — 1932)

Бревенчатая избушка недалеко от Берксвилла, штат Кентукки, где 6 апреля 1909 года родился Уильям Бранхам.

ТАИНСТВЕННОЕ ЗНАМЕНИЕ ПРИ РОЖДЕНИИ

1909 — 1912

АПРЕЛЬ 1909 ГОДА.

“...Рожать в пятнадцать лет не слишком-то и рано, — бормотала себе под нос Элла Бранхам, стараясь приободрить себя. — Ещё бы, ведь я готова не хуже, чем...”

Боль снова пронзила её — на этот раз сильнее и намного внушительнее, чем раньше. Элла почувствовала, как с нарастающей болью стала усиливаться паника. Она держалась за свой выпуклый живот и стонала: “Только не сейчас. Умоляю, не сейчас. Нет, пока Чарльз не придёт домой”.

Крупные капли пота выступили у неё на лбу. Шатаясь, она подошла по земляному полу к единственному окну избушки, проделанному посередине грубо обтёсанной двери. В окне не было стекла — только деревянный ставень, который днём Элла оставляла открытым, а на ночь закрывала. Теперь он был открыт.

“Ча-а-а-арльз!” — закричала она. Голос её как будто исчезал в лесной кентуккской глуши, где во все стороны, до самого горизонта, простирались обширные просторы холмов и лощин. Элла охватило чувство отчаянного одиночества, поскольку она знала, что её ближайший сосед жил на расстоянии множества километров от неё. Боль полностью сдавила ей живот, вводя её в панику. “Чарльз! — снова закричала она. — Чарльз, где же ты?” Затем её голос перешёл в слабое всхлипывание: “Пожалуйста, приди домой. Ты мне так нужен”.

В то утро Чарльз Бранхам получил свою зарплату на лесозаготовках и отправился в город — в Берксвилл, штат Кентукки — купить себе новый комбинезон с нагрудником. “Это в честь моего первого ребёнка”, — говорил он. Но что же задерживало Чарльза так долго? Уж не завлёл ли его кто-нибудь у таверны? Если так, то это было бы уже не в первый раз за год их совместной жизни. Однако сегодня уж Чарльз не вздумал бы сделать такое. Он знал, что их ребёнок может появиться на свет в любую минуту.

Схватки стихли, но организм Эллы был сильно истощён. Она тяжело оперлась о расщепившийся косяк двери, наблюдая, как за клёнами и дубами, на которых уже начали распускаться почки, садилось солнце. Закрывая ставень, Элла вздрогнула.

Теперь единственным источником света в избушке было зарево заката, которое просачивалось внутрь сквозь щели грубо отёсанных брёвен. Сходившиеся в пучок лучи света медленно двигались по столу и скамейке — самодельной мебели, сделанной из отпиленного пня, с деревянными колышками вместо ножек. В единственной комнате, длиной в три с половиной метра, была ещё старомодная кровать, прибитая гвоздями к одной из стен. Элла, шатаясь, подошла к кровати и от слабости упала на соломенный матрац, пытаясь натянуть одеяло к подбородку. Подушка, набитая кукурузной мякиной, шуршала при каждом движении головы. По мере того, как комната погружалась в сгущающуюся тьму, Элла погружалась в воспоминания о своём прежнем доме в Парисе, штат Техас, из которого совсем недавно ей так хотелось убежать. То, что в прошлом году казалось ей невыносимым, сейчас, в этом положении, выглядело не так уж и плохо.

В Техасе она росла как Элла Харви. Отец её был школьным учителем, охотником и капканщиком. Мать была полнокровной индианкой из племени чероки. У Эллы, старшей из четырёх детей, было прекрасное беззаботное детство до того времени, пока её мать не умерла от скарлатины. Это произошло три года назад. Элле, в ту пору, исполнилось двенадцать лет, а её младшему брату было всего лишь четыре года. Материнские хлопоты тяжёлой ношей легли на её плечи.

Спустя чуть больше года Элла встретила Чарльза Бранхама во время игр и состязаний ковбоев. Чарльз был невысоким и статным, с чёрными кудрявыми волосами, широкими плечами. Был он наделён ковбойским мастерством и мог состязаться с любым полудиким жеребцом или мустангом. Его обаяние пленило Эллу. Чарльзу было восемнадцать, а ей четырнадцать, но выглядела она намного старше. В то время брак казался удобным случаем избавиться от нудной заботы об её младших братьях и сёстрах, но теперь её волновало, уж не выскочила ли она всего-навсего из огня да в полымя. Здесь, на холмах Кентукки, в 65 километрах от ближайшего доктора, она, пятнадцатилетняя девочка, была чужой; у неё не было ни друзей, ни знакомых — никого, кто мог бы ей помочь. Уткнув голову в подушку, Элла зарыдала.

В ИЗБУШКУ Чарльз Бранхам вернулся спустя час после наступления темноты. Конечно же, он выпил, но не больше, чем требовало благоразумие. Тихонько приоткрыв дверь, чтобы не нарушить покой своей молодой жены — на случай, если она спала, — он услышал её стон. Чарльз быстро зажёг пучок смолистых сосновых веток и прикрепил его к крышке стеклянной банки. Сосновый пучок разгорался тусклым мерцающим огнём, потрескивая и испуская клубы дыма. Проветривалась избушка естественным образом: дым, поднимаясь вверх и минуя балки и стропила, просачивался сквозь щели в клинообразной кровельной дранке над головой.

— Чарльз, — еле слышно прошептала Элла, — настала та ночь. Пойди приведи свою маму.

Чарльз развёл огонь и затем поспешил к избушке своей матери. Ночь была холодной и ясной, и свет, излучаемый звёздами, помогал ему не сбиться с пути. Через час он вернулся вместе с матерью и двумя соседками.

Бабушка Бранхам была резкой старушкой, жёсткой, как свиная корка. Однако при виде пятнадцатилетней девочки, мучившейся в родовых схватках, её сердце смягчилось, подобно тому, как горячий енотовый жир смягчает кожу сапог. (Речь не о том, что бабушка Бранхам когда-нибудь носила сапоги. У неё, за всю жизнь, вообще не было обуви.) Теперь она взяла ситуацию под свой контроль. Воспитав своих семнадцать детей, она была хорошо подготовлена как повивальная бабка для очередной невестки. Чарльз не стал спорить, когда она потребовала, чтобы он ждал снаружи. Взяв одеяло, он заполз под навес, пристроенный к одной из стен избушки, и улёгся на древесных опилках и кусках коры. Достав из кармана фляжку с виски, Чарльз, для успокоения нервов, начал натирать её до блеска. Вскоре он уснул мёртвым сном.

С приближением рассвета волнение в избушке усиливалось, напряжение нарастало. Чарльз проснулся, когда на востоке уже занималась заря, но солнце ещё не поднялось над горизонтом. Он обозлился на себя, что задремал, а затем начал волноваться — ведь ребёнок ещё не появился на свет. “Может, что-то неладно? Может, мне войти и всё проверить?” Однако не успел он собраться с мыслями, как услышал пронзительный крик новорождённого. Дверь избушки настезь распахнулась, и одна из соседок окликнула его:

— Чарльз Бранхам, у тебя мальчик!

Робко, волоча ноги, Чарльз вошёл внутрь и закрыл за собой дверь. От сальной свечи, стоявшей на столе, комната пропахла дымом. Бабушка Бранхам закончила омыwać ребёнка. Взвесив, установила его вес в пять фунтов¹ и нежно положила его на руки матери. Чарльз стоял у кровати, засунув руки в нагрудник своего нового комбинезона, и нервно наблюдал за этим подвижным, голосистым созданием, которое было его сыном.

— Чарльз, у него твои голубые глаза, — сказала Элла.

Чарльз стал рассматривать эти глазки, но при тусклом свете не мог различить их цвет.

— Мы дадим ему первое имя Уилльям, — сказал он, — а второе имя будет Маррион.

— Уилльям... Маррион... Бранхам, — проговорила Элла. — Звучит довольно-таки членораздельно и ясно. К тому же, его можно звать Билли. Чарльз, я думаю, что у Билли будут и твои кудрявые волосы. Открой-ка ставень, чтобы я могла получше рассмотреть.

Был вторник, 6 апреля 1909 года. Раннее утро, всего несколько минут шестого. Хотя солнце ещё не взошло, свет наступающего дня робко пробивался сквозь щели в брёвнах.

---

¹ 5 фунтов = 2 кг 270г (Пер.)

Чарльз открыл ставень и, вздрогнув, отпрянул назад. Нечто молнией пронеслось внутрь через открытое окно. Это был венчик Света, подобный звезде, диаметром около фута². Элла вскрикнула и крепко прижала сына к груди. Остальные же, в полном недоумении, попятились к стене. Странный Свет облетел комнату несколько раз, затем остановился над кроватью, зависнув над молодой матерью и ребёнком, светясь и переливаясь желтовато-зелёным сиянием. В таком положении он находился чуть меньше минуты — не больше — однако этого было достаточно, чтобы все, присутствовавшие в избушке, убедились в том, что они на самом деле его видели. Потом, так же быстро как и влетел, огненный шар покинул их, вылетев вихрем через крышу, минув балки и стропила.

Чарльз уставился на кровельную дранку большими “стеклянными” глазами. Вдруг он услышал хлопанье крыльев и перевёл внимание на дверь, где на ставень раскрытого окна сел голубь. Белоснежный голубок с любопытством осматривал комнату, словно чего-то искал. Заметив новорождённого, он вздёргнул свою головку, заворковал и вскоре улетел. Чарльз пару мгновений провожал взглядом пернатого гостя, а затем, подняв глаза, стал смотреть вверх на крышу.

Одна из соседок пробормотала:

— Ну, я никогда...

Другая сказала в раздумье:

— Интересно мне знать, кем же будет этот мальчонка...

Билли Бранхаму было всего лишь пятнадцать минут от роду.

ВЕСТЬ о “том дитяти, родившемся со светом над головой, там, на холме”, быстро разнеслась среди горных жителей. Некоторые пропустили эти слова мимо ушей, полагая, что в зеркале всего лишь отразился солнечный свет. Чарльз же и Элла знали, что это не так — ведь в их избушке не было никакого зеркала. К тому же, солнце тогда ещё не взошло. Они были озадачены: было ли духовное значение в том Свете? Чарльз хотел забыть об этом, но Элла не давала ему покоя. Она настаивала на том, что “нужно что-то делать” и решила, наконец, что их ребёнка следует отнести в церковь и посвятить Богу. На первых порах Чарльз оспаривал эту идею, но, в конце концов, согласился, хотя эта уступка шла вразрез с его характером. Теперь вопрос был поставлен по-другому: куда же им его отнести?

Происхождение Чарльза Бранхама было строго ирландско-католическим. Родословная Эллы по линии Харви также шла от ирландских католиков, за исключением её матери, принадлежавшей к племени индейцев чероки. Однако, ни у Чарльза, ни у Эллы не было собственных религиозных убеждений — их полностью отнесло от их католических корней. Наконец, они пришли к согласию: для осуществления их цели лучшей церковью будет ближайшая церковь.

Итак, когда Билли Бранхаму исполнилось две недели, Чарльз и Элла запеленали его и понесли в баптистскую церковь под названием Царство Опоссумов³. В простом бревенчатом здании с земляным полом и скамьями из досок, положенных на перевёрнутые деревянные колоды, каждое воскресенье собиралось небольшое собрание. Постоянного пастора в этой церкви не было. В большинстве случаев, по воскресеньям на собрании пели песни и читали из Библии. Однако каждые два месяца приезжал окружной проповедник и проповедовал. В тот день пожилой проповедник был там. Он вознёс молитву над маленьким Уильямом Маррионом Бранхамом, попросив Бога, чтобы когда-нибудь Он стал использовать этого мальчика в Своём служении. Это был единственный раз, в течение двадцати трёх лет, когда Билли Бранхам побывал в церковном здании.

РАБОТА НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ часто вынуждала Чарльза на неделю отлучаться от жены и сына. В октябре 1909 года снежная буря отрезала его в лесозаготовочном посёлке вдали от дома. Элла, на четвёртом месяце беременности со вторым ребёнком, начала беспокоиться,

---

² 1 фут = 30 см (Пер.)

³ Церковь, возможно, была названа так потому, что в этой местности есть много опоссумов — небольших животных из отряда сумчатых. (Пер.)

поскольку её пищевые запасы были на исходе. Когда же кончились дрова, она обернула ноги в мучные мешки и, увязая по пояс в сугробах, стала протаптывать себе дорогу в лес, чтобы нарубить молодых деревьев и сухих сучьев. Затем она тащила их в избушку, изо всех сил пытаясь поддерживать огонь. Но когда пища иссякла, Элла впала в отчаяние. Огонь погас, осталась только зола. Элла же была слишком слаба, чтобы ещё раз сходить в лес за хворостом. Собрав в избушке все лоскутки одежды, она как можно лучше закутала себя и сына, заползла на кровать и натянула одеяло на себя и на него. Снаружи неистово выл ветер. Комнату настолько выстудило, что в ведре замёрзла вода. Элла устремила взгляд вверх, на балки, и вновь стала размышлять о том странном Свете, который явился при рождении её сына. За прошедшие шесть месяцев она часто думала о нём. Иногда ей казалось, что это было знамением того, что Билли предназначен к чему-то великому. Теперь же это выглядело бессмысленным, поскольку им обоим в лицо дышала смерть.

Ближайшим соседом Эллы был старичок, живший по другую сторону долины. Когда снежная буря стихла, сосед вышел на улицу, чтобы выполнить кое-какую работу и осмотреться. Увидел он только крышу избушки Бранхамов, заметив при этом, что из трубы не поднимался дым. В то время он не придавал этому большого значения. Лишь спустя несколько дней его охватило беспокойство. Он знал, что до начала пурги из избушки дым поднимался, а покинуть избушку во время снежной бури никто не мог. Смекнув, что могло произойти что-то неладное, он решил всё выяснить. Пробравшись к избушке, он заметил, что на свежеснеженном снегу не было следов. Это подтвердило его опасение. Он постучал в дверь, но никакого ответа не получил. Нажав на ручку, он обнаружил, что дверь была заперта изнутри. Теперь-то он убедился, что кто-то наверняка там есть — кто-то в ужасной беде, иначе бы они отворили ему. С огромным усилием удалось ему открыть дверь. То, что он увидел, зайдя внутрь, заставило его вздрогнуть.

Элла и её младенец лежали на кровати, свернувшись калачиком, еле живые от холода и голода. Сосед, тотчас же взяв топор Эллы, отправился в лес и принёс достаточно дров, чтобы разогреть избушку. Не найдя еды, он вернулся в свой дом и принёс столько съестных припасов, сколько мог унести в руках. Вызывать доктора не было смысла: старичок сам принялся ухаживать за молодой матерью и ребёнком. К тому времени, когда Чарльз пробрался сквозь сугробы к своей избушке, его жена и сын уже начали поправляться, и силы их восстанавливались.

Оставшуюся часть зимы Чарльз провёл вблизи дома, охотясь и ставя капканы, чтобы поддерживать кладовую полной. Весной он снова отправился на лесозаготовки. Когда лёд сошёл, Чарльз запрягал вола, привязывал к нему брёвна и по одному тащил их вниз к реке Камберленд, где лесорубы связывали их в плот и сплавляли сначала по реке Огайо, а потом Миссисипи.

В МАРТЕ 1910 ГОДА у Чарльза и Эллы появился второй сын — Эдвард. А спустя пару месяцев Элла почувствовала, как ещё один ребёнок стал расти в её утробе. В начале 1911 года, в возрасте семнадцати лет, она родила третьего ребёнка, очередного мальчика. Элла дала ему имя Генри. Всю весну, лето и осень 1911 года Чарльз проработал на лесозаготовках. Затем снова гряслась беда, которая оторвала Чарльза от семьи и едва не погубила его.

Самый младший из семнадцати детей, Чарльз Бранхам рос в атмосфере грубости и невежества. С самого детства он научился держать в руках виски и любой спор привык решать кулаками. Осенью 1911 года Чарльз побывал на одной из гулянок, где подвыпившие буяны устроили скандал, который, вскоре, перешёл в необузданную дикую драку, вовлекая всех присутствовавших в том помещении. Один здоровенный мужик по имени Уилли Ярброу повалил на пол друга Чарльза, вскочил на него, выхватил нож и уже собирался пронзить ему сердце, но в это время Чарльз со всего маху огрел Уилли стулом по голове. Отпрянув назад, Чарльз обнажил лезвие своего ножа. Уилли уже не было никакого дела до лежавшего на полу, и он пошёл на Чарльза. Был он безжалостным человеком — убил своего же сына колом от забора — и полоснул бы Чарльза по горлу, представься ему такая возможность. Однако нож Чарльза воткнулся первым. Уилли распластался в луже крови, потеряв сознание, но всё же остался в живых.

Когда слух об этой кровавой драке дошёл до Берксвилла, штат Кентукки, Чарльза объявили одним из зачинщиков скандала и стали подозревать в попытке совершить преднамеренное убийство. Шериф отправился верхом на лошади арестовать Чарльза Бранхама. Однако прежде чем шерифу удалось бы его отыскать, Чарльз, почувствовав опасность и не зная,

что делать, поспешно скрылся. Перед уходом он пообещал Элле, что пошлёт за ней, как только найдёт работу и место для жилья; чтоб его не выследили — подпишется вымышленным именем.

Итак, однажды днём Чарльз исчез, оставив свою жену самостоятельно перебиваться с тремя детишками в лесной глуши. Билли было два с половиной года, Эдварду полтора, а Генри едва исполнилось шесть месяцев. Элла в свои семнадцать лет сама была почти ребёнком. Несколько недель спустя она осознала, что Чарльз оставил ей часть себя. Она снова забеременела.

Осенью и зимой того года Элла измоталась до предела. Казалось, будто живёт она в каком-то кошмаре: в глуши, в заброшенной избушке, оставшись без денег и средств к существованию, ухаживая за малышами и большую часть времени испытывая тошноту. Элла знала, что если бы не помощь со стороны родственников Чарльза — хотя таких же бедных, как и она — ей бы не выжить.

Затем на смену зиме пришла весна, земля оттаяла. Наконец, и жизнь Эллы вошла в обычное русло: прекратилась тошнота, а ребёнок в её утробе, ворочаясь и двигаясь, приближался к появлению на свет. Билли исполнилось три годика, Эдварду — два, а Генри отпраздновал свой первый день рождения.

В один из этих весенних дней 1912 года около их избушки остановился шериф, чтобы узнать, не слышала ли Элла что-нибудь о своём муже. Она смело могла сказать ему правду, ибо, действительно, не имела ни малейшего представления, где тот находился, и не получала от своего мужа никакой весточки.

Спустя пару дней после приезда шерифа, Билли и Эдвард играли позади избушки, где небольшой родничок, разливаясь, превращал землю в грязное болото. Билли захотелось показать младшему братишке свою “мощь”, поэтому он взял самый большой камень, оказавшийся ему под силу, занёс его над головой и швырнул прямо в родничок. Камень звучно плюхнулся в грязь у самого края воды, покрыв Эдварда грязью с головы до ног. Тот, разревевшись, поплёлся к избушке. В это время залилась пением малиновка. Билли стал всматриваться в ветви на дереве и вскоре увидел птичку. Он сделал шаг по направлению к ней, но малиновка улетела. В тот же самый миг произошло нечто настолько потрясающее, что глубоко запечатлелось в памяти Билли и стало его первым значительным воспоминанием детства.

С того места, где только что сидела малиновка, раздался звук, похожий на шелест листьев: “Хи-и-и-и-и! Хи-и-и-и-и!” Затем со стороны дерева прозвучал голос, очень ясный человеческий голос, который сказал: “Вы будете жить недалеко от города под названием Нью-Олбани”.

С воплем ужаса Билли помчался со всех ног в избушку, пронзительно крича:

— Мама! Мама!

Элла тем временем вытирала грязь с животика Эдварда.

— Билли, что случилось? — спросила она, прижимая к себе своего старшего сына.

— Мама, мне птичка проговорила. Я слышал, как она пела на дереве, а потом она говорила со мной.

Элла рассмеялась:

— Тебе это почудилось, малыш.

Однако Билли настаивал на своём:

— Мама, я слышал её. Я слышал, как она говорила.

— И что же эта птичка сказала тебе? — поддразнивала его Элла, всё ещё полагая, что Билли выдумал это.

— Она сказала, что мы будем жить недалеко от города под названием Нью-Олбани.

Ответ поразил её. Было совсем не похоже, чтоб такое мог выдумать маленький мальчик во время игры. Она пошла за избушку и прокричала по направлению леса:

— Э-э-эй! Есть тут кто-нибудь?

Когда она вернулась домой, Билли спросил:

— Мама, а где находится Нью-Олбани?

— Это город в Индиане через реку, прямо возле Луисвилла, штат Кентукки, около 160 километров отсюда. Билли, а где ты слышал раньше, чтобы кто-нибудь говорил о Нью-Олбани?

— Я никогда не слышал о Нью-Олбани, Мама, пока та птичка не сказала мне. Мама, а когда мы будем жить там? А Папа тоже будет жить с нами?

Элла покачала головой.

Спустя пару недель пришло долгожданное письмо от Чарльза. Элла облокотилась на пень, который служил им столом, держа дрожащими пальцами конверт и вглядываясь в него. Билли стоял на цыпочках, стараясь украдкой заглянуть поверх стола.

— Мама, открывай!

Элла нервно усмехнулась:

— Конечно. Мы очень долго его ждали. Зачем же ещё ждать?

Осторожно отклеила она полоску с клеем, вынула письмо из конверта, развернула его и начала читать. Поскольку её отец был школьным учителем, она получила приличное образование. Но Чарльз не умел ни читать, ни писать — не мог написать даже своего имени. Это письмо было написано одним из его братьев, который жил в Луисвилле.

— О чём там говорится, Мама? — спросил Билли.

Она комментировала по ходу чтения.

— Здесь говорится, что твой папа находится в Индиане. Он нашёл постоянную работу и место, где мы сможем жить. Он хочет, чтобы мы сейчас же приехали. Это небольшой город под названием Ютика, около 16 километров к северо-востоку от...

На этом она резко прервала чтение и с изумлением взглянула на своего трёхлетнего сынишку. Как же это могло произойти?

— Где это, Мама? Где находится Ютика? — настаивал Билли.

Элла медленно сказала:

— Билли, мы будем жить в 16 километрах к северо-востоку от Нью-Олбани, штат Индиана.

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ

1912 — 1916

В КОНВЕРТ со своим письмом Чарльз Бранхам вложил достаточно денег, чтобы Элла смогла нанять повозку для переезда. Грузить ей было, практически, нечего, не считая троих сорванцов. Нью-Олбани находился более чем в 160 километрах на север от Берксвилла. В дороге Элла очень волновалась, поскольку вот-вот должны были начаться роды. Однако трёхлетнему Билли, никогда ничего не видевшему дальше своей горной избушки, эта поездка представлялась захватывающим приключением. Особое впечатление на него произвёл узкий деревянный мост, перекинутый через реку Огайо от Луисвилла, штат Кентукки, до Нью-Олбани, Индиана. Проехав ещё 16 километров на север, они прибыли в свой новый дом в городке под названием Ютика, штат Индиана.

27 мая 1912 года Элла родила четвёртого сына, дав ему имя Мэлвин. Тем летом Чарльз работал у местного фермера. Труд был рабский: подчас он был вынужден тащиться за лошадьё и пахать по двенадцать часов в день, проливая пот под палящим солнцем. Не раз возвращался он домой в припёкшейся к спине рубашке, и Элле приходилось отрезать её ножницами. Когда взошла кукуруза, Чарльз проводил все дни со змеевидной мотыгой в руках, выкорчёвывая между бороздами ползучие сорняки. Поначалу его руки покрывались волдырями и кровоточили; позже на них образовались мозоли, жёсткие, как дублёная кожа. Всё это он претерпевал за 75 центов в день.

Осенью Чарльз вернулся на лесозаготовки; это у него получалось намного лучше, чем фермерство — ведь он вырос в лесу и работал на лесозаготовках с раннего возраста. Хотя рост Чарльза был метр семьдесят и весил он всего 70 килограммов, был он крепким, как клубок мышц, и зарекомендовал себя умелым лесорубом: мог в одиночку погрузить на повозку бревно весом в 400 килограммов.

Однако с приближением зимы Чарльза всё больше и больше терзало беспокойство. Вшестером они жили в однокомнатной лачуге, ничуть не лучшей, чем та бревенчатая избушка, которую они покинули в Кентукки. Лесозаготовки подчас вынуждали его на целые недели отлучаться от семьи. Не желая, чтобы его жена страдала так, как прошлой зимой, Чарльз начал подыскивать лучшее место жительства и работы.

С наступлением весны 1913 года он получил работу в Джефферсонвилле, штат Индиана, у мистера Уотена — мультимиллионера, который владел предприятием “Уотен Дистиллерис” и был совладельцем профессиональной бейсбольной команды “Луисвилл Кэнлс”. Чарльза наняли в качестве личного извозчика, поскольку он искусно обращался с лошадьёми. Работа не приносила много наличных, зато представляла существенные выгоды, а именно: бесплатное место проживания на земельной собственности мистера Уотена. Это место состояло из двухкомнатной бревенчатой хатки, старой конюшни, большого садового участка и маленького поля, на котором Чарльз мог посадить что-нибудь для своей семьи. К тому же, неподалёку находилась молочная ферма мистера Уотена, и каждый вечер Чарльз мог брать домой ведро молока — немаловажная выгода для отца, у которого подрастали четыре мальчонки.

Город Джефферсонвилл находился километрах в семи на северо-восток от Нью-Олбани, в сторону улицы Ривер-Роуд, называемой местными жителями Ютика-Пайк. Мистер Уотен жил в большом имении в 11 километрах от города. Хатка, в которую переехал Чарльз, стояла на пригорке, с видом на реку Огайо. Наружные стены постройки были обшиты досками,

пострадавшими от непогоды, а внутри щели между брёвнами были залеплены глиной. Состояла хатка из двух комнаток с земляным полом. На чердаке, под стропилами над одной из комнат, тоже можно было спать. Чердачная лестница была сделана из стволов двух деревьев. На середину одной комнаты прикатали отпиленный пень и на него положили плоские камни. Поверх всего этого стояла дровяная печка, сделанная из пустой бочки от нефтепродуктов. Для приготовления пищи Элла использовала небольшую железную печку-временку, вроде “буржуйки”. В доме была даже керосиновая лампа для освещения, и, учитывая всё остальное — было намного лучше, чем в однокомнатной лачуге, в которой они жили в Ютике.

Перед хаткой, на склоне холма, возле небольшого родника развесила свои ветви яблоня. Большую часть лета прохладная вода родничка служила холодильником, не давая молоку, пахте⁴ и маслу, находившимся в металлических бидонах, портиться раньше времени. (Сливки Чарльз хранить там не мог: слишком много у него было маленьких Бранхамов, которые могли с жадностью их стащить.) Родничок обеспечивал дом водой до середины августа. Когда же он высыхал, они были вынуждены качать воду из колодца, расположенного внизу, возле конюшни, и нести её домой вверх по холму.

Билли любил бурлящий родничок-журчейчок. На гвозде, вбитом в ствол яблони, висел черпак, сделанный из тыквы, но им Билли пользовался редко. Любил он лечь на живот в тёплую траву, прильнуть к родничку и вдоволь напиться воды. Потом он наполнял водой кувшин и относил его отцу в поле.

К ужину Чарльз всегда возвращался домой с поля изголодавшимся. Поскольку в доме умывальника не было, умывался он позади хатки, где возле яблони была поставлена скамейка. Она представляла собой обычную сарайную доску, прибитую к стволу, с ножкой-доской на противоположном конце и с наклонной доской внизу, что не позволяло скамейке шататься. Все четверо мальчишек стояли цепочкой за папой, ожидая, чтобы умыться. Когда Чарльз закатывал рукава своей домотканой рубашки, чтобы намылить лицо, мышцы на его руках вздувались и перекатывались. Билли, с гордостью наблюдая за ним, размышлял: “Это мой Папа. Он сильный. Он будет жить сто лет. Когда я состарюсь, я буду смотреть на Папу, а у него по-прежнему будут огромные мускулы”. Билли же, напротив, был худощавым и жилистым, как его мать, а от отца он унаследовал тёмные вьющиеся волосы и приятные ирландские черты лица, но не его крепкое телосложение.

Он умывался после отца. С большой осторожностью взял Билли щёлочное мыло домашнего изготовления, стараясь, чтоб оно не попало в глаза (одного урока ему было вполне достаточно). Вытирался он полотенцем, сделанным матерью из мешка от кукурузной муки. Полотенце было неудобное и колючее, поэтому Билли слегка вздрагивал. Над скамейкой, где умывались, к дереву, пятью загнутыми гвоздями, был прикреплен осколок разбитого зеркала. Билли карабкался по скамейке, пытаясь увидеть себя, а затем брал оловянный гребень, чтобы разгладить свои неподдающиеся волосы.

Из старых сарайных досок Чарльз соорудил обеденный стол и скамейки, которые были чем-то похожи на церковные. За ужином Билли всегда сидел возле отца. Бобовый суп с вареным луком, кукурузный хлеб и пахта были обычной трапезой. Кукурузный хлеб Элла поджаривала на сковороде, потом выкладывала его на тарелку и посылала её по кругу, чтобы каждый мог отломить себе кусочек. Билли всегда выбирал горбушку, потому что на ней была румяная корка, которую он любил макать в свой суп.

14 МАЯ 1914 ГОДА у Билли появился ещё один брат: Эдгар Ли Бранхам. На протяжении последующих нескольких лет жизнь Билли текла спокойно. Каждую субботу, после полудня, его отец брал у мистера Уотена мула и крытую повозку, рассаживал в неё своё семейство и отправлялся за 11 километров в город, чтобы закупить съестных продуктов. Четверо младших Бранхамов прыгали на куче соломы в конце повозки, а Билли доводилось ехать вместе с отцом и матерью впереди брички. Он всегда взвинчивался, как юла, когда собирались ехать в магазин, потому что в точности знал, что там будет происходить. Чарльз, зарабатывавший три с половиной

---

⁴ Пахта — обезжиренные сливки, получаемые как побочный продукт при сбивании сливочного масла. (Пер.)

доллара в неделю, частенько расходовал три доллара из этой суммы в бакалейной лавке. Время от времени тратился он на мешок коричневого сахара или банку солёного сухого печенья, но большей частью закупал такие основные продукты питания, как бобы, картофель и кукурузная мука — еду, которой хватало надолго. Когда Чарльз оплачивал свой счёт, мистер Гроувер, бакалейщик, давал ему кулёк мятных леденцов для его малышей.

В повозке же пять пар ненасытных глаз с нетерпением наблюдали, как папа поровну делил четыре леденца между пятью мальчишками. Четыре младших Бранхама тотчас же слизывали свои мятные леденцы по самую палочку. Билли же был хитрым: немного полизав свой леденец, он заворачивал его в кусок коричневой бумаги, оторванной от бакалейного кулёка, и засовывал к себе в карман. Позже он находил применение этому леденцу.

В субботу вечером они наполняли горячей водой большую кедровую лохань для стирки и, один за другим, не меняя воду, принимали еженедельную ванну. Элла сильно тёрла Билли щёлочным мылом, приговаривая: “Я хочу, чтоб ты был чистеньким, как облупленная луковичка”. Потом она до того тщательно вытирала его полотенцем из мешковины, что ему казалось, будто с него слезала вся кожа. Зная, что Билли питается недостаточно, она каждую неделю, после купания, принуждала его проглатывать столовую ложку касторового масла, веря, что оно помогает предотвратить простуду. Билли, глядя на эту большую ложку, полную сального касторового масла, умолял:

— О-о, Мама, пожалуйста, не заставляй меня принимать это. Меня от этого тошнит. Я просто не могу этого перенести.

— Если тебя от этого не затошнит, тогда это ничем тебе не поможет, — отвечала она.

Билли зажимал пальцами нос и брал ложку в рот, пытаясь проглотить её содержимое; затем он напрягался, его всего трясло, пока, наконец, ему не удавалось пропустить это внутрь.

В воскресенье Элла готовила малиган — мясную похлёбку с овощами. Репа, морковь, капуста, картофель, бобы, кукурузная мука и кусок говядины — всё это тушилось в горшке. Этим питались они ещё в течение двух или трёх дней.

В понедельник Элла стирала одежду в большом железном котле, нагреваемом на костре возле хатки. Билли, как старший из детей, должен был нарубить сучьев рожковых деревьев. От него также требовалось наполнить котёл водой — тяжёлая работа для мальчика его возраста и телосложения.

— Уилльям! — окликнула она его.

— Да, мадам.

— Сходи-ка к роднику и принеси ведро воды.

Билли, подумав о том, как тяжёлое кедровое ведро, лишь наполовину наполненное водой, растягивало ему плечо, нащупал в своём кармане “тот самый” кусок мятного леденца, завернутый в бумагу. Затем отыскал он своего брата Эдварда и сказал:

— Горбатик, — Билли частенько называл своего брата Горбатиком, — скажу-ка тебе, что я сделаю. Я дам тебе десять раз полизать этот леденец, если принесёшь вместо меня то ведро воды.

Эдвард с радостью принёс воды. В качестве вознаграждения Билли протянул Эдварду леденец, держа его в руке, и начал считать:

— Раз, два, три...

Эдвард, старавшийся лизать как можно быстрее, стал жаловаться:

— Не так быстро! Ты слишком быстро считаешь. Начинай сначала.

Билли начал считать заново, и Эдварду удалось лизнуть сверх положенного. Потом Билли снова завернул мятный леденец и засунул к себе в карман. В понедельник ему предстояло выполнять и другие работы по дому, но до тех пор, пока хватало его леденца, Билли был беззаботным пареньком.

В хатке, на гвозде за дверью, постоянно висела длинная плоская палка из орешника гикори. Элла использовала её при стирке и кипячении белья, вылавливая его ею, когда было готово. Однако этот орешниковый валёк выполнял и другие функции: Элла разминала им неровности в соломенных тюфяках и разглаживала одеяла, а Чарльз использовал его в качестве исправительной палки. Подчас, когда кто-то из мальчишек провинился и заслуживал наказания, орешниковая палка “таинственным образом” исчезала. Чарльзу всегда удавалось обойтись и без неё: он использовал свой старый ремень для правки бритв или же брал ружейный шомпол. Все

маленькие Бранхамы получали “воспитание” в дровяном сарае, бегая что было сил вокруг отца, в то время как он хлестал их попки докрасна. Чарльз называл это “выбиванием беса”.

Однажды Эдвард затеял пакостный план.

— Билли, — сказал он, — пока Папа с Мамой пропалывают мотыгами сад, сходи и принеси немного сахара, а я раздобуду солёного печенья. Встречаемся в конюшне.

Для Билли это прозвучало довольно заманчиво. Коричневый сахар Элла держала в ящике в хатке. Она часто смешивала его с водой, чтобы сделать им на завтрак патоку⁵ к блинам. Билли прошмыгнул в хатку, взял порядочную пригоршню сахара и направился к конюшне.

Сад находился на полпути между домом и конюшней, если спускаться по холму. Чарльз оторвался от работы с мотыгой, чтобы стереть со лба пот красно-белым клетчатым носовым платком, и заметил идущего старшего сына: рука его казалась одеревенелой, будто он что-то в ней прятал.

— Куда это ты идёшь, Уилльям? — спросил Чарльз.

— В конюшню.

— А что это у тебя в руке?

“Ой-ой-ой!” — подумал Билли и попытался выкрутиться.

— В какой руке?

— А ну, пойдика сюда, — сказал повелительно Чарльз.

Долгое время после этого Билли не хотелось сахара...

В КОНЦЕ АВГУСТА 1916 года, когда паросиловая молотилка закончила обмолот зерновых, Элла набила все тюфяки свежей соломой. В этот вечер мальчики были уложены спать на чердаке. Вдруг Билли вскрикнул, словно призрак прикоснулся к его щеке. Элла помчалась к лестнице и крикнула:

— Билли, что там случилось с тобой?

— Мама, кто-то залез ко мне в постель!

— Это всего лишь кузнечик, застрявший в свежей соломе. Теперь успокойся и иди спать.

— Мама, я просто не могу спать, когда эта козявка всюду скачет.

Элла взяла в руку керосиновую лампу и полезла на чердак, чтобы Билли было видно, как открыть сбоку свой тюфяк и найти в соломе назойливого кузнечика. Он выпустил его на волю, просунув сквозь щель в том месте, где крыша неровно прилегала к стене.

Позже Элла хихикала, рассказывая Чарльзу эту историю. Однако сказать мужу о своём глубоком беспокойстве за Билли она не могла. В последнее время мальчик был раздражительным, и у него плохо усваивалась пища. В течение прошлого месяца не раз он после ужина жаловался на расстройство желудка и отрыжку. Нервничал ли он из-за того, что скоро у него начнётся учёба в школе? Или же что-то другое не давало ему покоя? Могло ли это быть связано с пьянством отца?

В сентябре Билли и Эдвард стали вместе ходить в школу. Билли было семь с половиной лет. Хотя он был старше своего брата на одиннадцать месяцев, по росту их можно было принять за двойняшек; Эдвард был только чуточку ниже.

Школьной одежды у Билли не было. Всё лето проходил он босиком и без рубашки, нося пару оборванных и залатанных спесовочных штанов с нагрудником. Семья не могла себе позволить приобрести новую одежду, однако Элла нашла выход из этого: она взяла пиджак, который Чарльз надевал в день их свадьбы, перекроила его и сшила из него пару брюк. Чарльз вернулся домой с белыми носками и парой поношенных баскеток, которые оказались Билли маловаты — это и довершило его гардероб.

Закончив наряжать мальчика для нового события, Элла сказала: “Готово. Ну-ка, теперь посмотрим на тебя”. Она отошла назад, чтобы лучше его рассмотреть. Рёбрышки, выступавшие на его голой груди, делали его совсем маленьким и тощим. И выглядел он таким заморышем со своими лохматыми волосами, свисавшими по шее, в перешитых штанах и стоптанных баскетках. Элла улыбнулась, зная, что сделала всё возможное из имевшегося под руками. Но, к сожалению, её старшему сыну придётся ходить в школу без рубашки.

---

⁵ Патока — густое, тягучее сладкое вещество, продукт неполного осахаривания крахмала. (Пер.)

Итак, холодным сентябрьским утром 1916 года Билли и Эдвард устало тащились по улице Ривер-Роуд в школу Ютика-Пайк, которая была типичным сельским однокомнатным школьным пансионатом, расположенным среди холмов близ реки Огайо. Многие годы учительницей Билли была миссис Темпл. Она обучала во всех восьми классах, занимаясь с учениками в возрасте от шести до пятнадцати лет.

В школе Билли освоил больше, чем чтение, правописание и арифметику. Внезапно его мировоззрение расширилось. Сидя в классе, он долгое время сравнивал себя с другими детьми. Разница явно бросалась в глаза. Это были обыкновенные мальчики и девочки, как и он, но большинство из них носили хорошую одежду и обувь по размеру. И у них были рубашки. На обед они кушали бутерброды, а на десерт — домашние печенья или пирожное. Билли же ел бобы, а порой были дни, когда на обед он вовсе ничего не ел. Он начал осознавать, что его семья бедная.

С самого начала мальчики чуть постарше стали считать Билли чужаком. Они обзывали его “кукурузным грызуном” и дразнили, потому что он смешно разговаривал, с деревенским акцентом, типичным для горных жителей штата Кентукки. К тому же, они смеялись над тем, что он выглядел таким оборванным.

Спустя пару недель после начала учёбы несколько мальчишек решили провести послеобеденное время, рыбача на пруду за хаткой Бранхамов. Они называли его “ледяным” прудом потому, что мистер Уотен каждую зиму вырубал из него глыбы льда, хранил их в опилках и затем использовал их летом для поддержания холода в холодильниках на своей молочной ферме. Билли пришёл в восторг, что эти мальчишки включили и его в свои планы. Он не только любил рыбачить, но страстно хотел быть “заодно с компанией”.

После школьных занятий Билли, сгорая от желания достать с чердака свою самодельную удочку, побежал домой. Его башмаки были ему малы и натёрли большую мозоль на большом пальце. На уроках в школе эта мозоль постоянно беспокоила его. Каждый раз, когда он двигал ногой, боль так сильно мучила его, что он не мог сосредоточиться. Теперь же, в этом возбуждении и спешке, боли для него как будто и не существовало. Стрелой влетел он в хатку и уже поставил было ногу на лестницу, но вдруг почувствовал, как сильная рука схватила его за плечо. Отец развернул его лицом к себе.

— Билли, сегодня днём у меня есть для тебя важная работа. Я хочу, чтобы ты наносил мне воды в перегонные кубы.

Сердце и конечности Билли окаменели.

— Но Папа, я же собирался сегодня днём пойти порыбачить с моими друзьями.

— Пoryбачить ты можешь и завтра. Этой ночью я хочу перегнать немало кукурузного виски, и запаздываю. В сарае у меня должно быть достаточно воды, чтобы охлаждать змеевик. Ты уже вполне подрос для работы, и мне необходима твоя помощь. Вёдра стоят у конюшни, возле колонки. Теперь поднимись-ка и переоденься, а я пойду в сарай подготовить перегонные кубы.

Билли медленно начал подниматься по лестнице, отворачиваясь, чтобы отец не увидел его слёз.

— И запомни, — добавил Чарльз, — береги маму. Об этом никому ни слова.

— Да, Папа.

Хотя сухой закон был введён только в 1919 году, в некоторых штатах с 1906 года в силу вступили законы, запрещающие продажу спиртных напитков. Индиана была “сухим” штатом уже в 1916 году. Чарльз же никак не мог обойтись без своего виски. Поскольку у него не было достаточно денег, чтобы покупать его на чёрном рынке, он со своим соседом, мистером Дорнбушем, смастерил самогонный аппарат в сарае, за домом, где гнал свой самогон. Продавая остатки жаждавшим соседям и зарабатывая на этом сколько-то денег, они решили сделать второй перегонный куб. В эту ночь они собирались “запустить” оба куба, и всё должно было быть наготове.

Долго сидел Билли на своём соломенном тюфяке, чувствуя, как мозоль на ноге пульсировала с каждым ударом сердца. Наконец, он собрался с силами, чтобы изменить ситуацию. С большим облегчением стянул он обувь. Выскользнув из школьных штанов, он юркнул в свой старый комбинезон с нагрудником, который вместо матерчатых шлеек поддерживался шнурком, закреплённым на гвоздях вместо пуговиц. Гвозди легко проскальзывали сквозь петлицы в

нагруднике и когда поворачивались в сторону, то вовсе не торчали. Потом под больной палец он привязал кукурузную кочерыжку, чтобы не пачкать его в грязи.

Медленно спустившись с лестницы, поковылял он вниз по холму к колодцу у конюшни. Возле рукоятки колонки стояли два ведра из-под патоки. Билли наполнил их до краёв. В каждом ведре было по два литра воды, и его семилетним мышцам было как раз под силу поднять их за самодельные верёвочные ручки.

Полдень выдался тёплый и совершенно тихий. Стояло полнейшее безветрие: воздух словно застыл. Сухая, пожелтевшая трава не смела даже шелохнуться. Начав подниматься по тропинке, Билли услышал смех, доносившийся со стороны “ледяного” пруда. Его друзья уже были там, рыбака и шутя, замечательно проводя время. Досада Билли прорвалась потоком слёз.

На полпути к вершине холма, рядом с садом, присел он отдохнуть в тени большого белого тополя. Слёзы, тёкшие по его щекам, оставляли следы на испачканном лице. Билли негодовал: “Разве не ужасно? Пацаны рыбачат там, а я должен оставаться дома и таскать воду”.

Тут он услышал звук, напоминавший шелест листьев на ветру: “Хи-ш-ш-ш!” Однако ветерка Билли не чувствовал. “Что это?” — подумал он и оглянулся по сторонам. Листья, совсем недавно начавшие засыхать, не шевелились. Невозможно было уловить и намёка на ветер. Билли продолжал дуться: “Их папы не занимаются этим. Почему же я должен таскать воду в эти самогонные кубы?”

Снова послышался шелест листьев. Встав и осмотрев ветви над головой, Билли опять не заметил, чтобы что-нибудь двигалось. Он испустил ещё парочку жалоб, потом подхватил ведра и поплёлся по тропинке; при этом, его пораненный палец оставлял на песке причудливый след. Прошёл он совсем немного, когда снова услышал тот звук: “Хи-ш-ш-ш!” — теперь уже громче прежнего. Билли повернулся, и на этот раз он увидел это. В листве дерева кружился вихрь. В принципе, это было обычным явлением. Осенью такие воздушные завихрения были частыми. Билли не раз видел, как они, кружась, пронеслись по полям, подхватывая сухие листья и унося их с собой. Однако завихрения всегда куда-то направлялись, всегда передвигались по земле. Этот же вихрь, казалось, замер на месте. Очарованный, Билли наблюдал, как зелёные, коричневые и жёлтые листья шелестели и кружились.

Вдруг с дерева прозвучал Голос — глубокий, отчётливый Голос, который сказал: “Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд”.

Билли слышал эти слова настолько отчётливо, как если бы говорил его отец; но это не была речь отца. Такой внушающий страх голос услышал он впервые. Побросав ведра, он изо всех сил помчался к хатке, крича во всё горло.

Элла обняла его.

— Билли, что случилось? Тебя укусила змея?

Она подумала, что, проходя мимо сада, её сын наступил на медноголового щитомордника — ядовитую змею, распространённую в той местности.

— Нет, Мама, — пролепетал он, показывая пальцем на холм, в сторону сада. — Там, на том дереве, сидит дядька.

— Ох, Билли, Билли! Ну, озорник! Может, ты перестанешь и пойдёшь спать?

— Нет, Мамочка! Там, на дереве, дядька, и он приказал мне не пить и не курить.

В ответ на это Элла засмеялась. Она обняла своего сына и поцеловала в лоб, пытаясь успокоить. Однако Билли впал в истерику, и его невозможно было утихомирить. Уложив мальчика в постель, Элла помчалась к ближайшему соседу, у которого был телефон, чтобы вызвать доктора. Доктор, выслушав этот рассказ, сказал: “Мальчик просто перенервничал. Это у него пройдёт”.

В тот же вечер за ужином Билли вновь рассказал свою историю: “Там, на том дереве, сидит дядька, и я слышал, что он мне сказал. Я никогда больше туда не пойду”. И он больше туда не ходил. С того дня и впредь, каждый раз направляясь в конюшню, он шёл краем сада, обходя этот тополь стороной.

СПУСТЯ ДВЕ НЕДЕЛИ Билли и Эдвард играли в шарики под яблоней возле хатки.

Внезапно Билли почувствовал странное ощущение — давление, от которого кожу покалывало, будто невидимая энергия объяла его. Он поднял глаза. Река Огайо почему-то

казалась ближе, чем раньше. Когда Билли взглянул на неё в направлении Джефферсонвилла, местность преобразилась у него на глазах. На берегу, постепенно принимая ясные очертания, очень быстро вырос мост через реку. Мост этот был не из тех низеньких, плоских мостов, которые Билли переезжал, переселяясь в штат Индиана. Был он с массивным железным сводом сверху и выглядел впечатляюще. Ничего подобного Билли раньше не видал. Всмотревшись получше, он заметил людей, работавших высоко на пролёте моста. Потом он увидел, как громадный пролёт рухнул. В замедленном действии эти люди падали с мостового бруса. Билли успел сосчитать их. Он увидел, как шестнадцать человек исчезли в мутной воде.

Уронив свой мешочек с шариками, Билли понёсся домой, неугомонно крича. Элла изо всех сил старалась успокоить его. Когда он, наконец, пришёл в себя и всё ей рассказал, она сказала:

— Билли, тебе это просто почудилось.

Он же настаивал на своём:

— Нет, Мама. У меня появилось сначала странное чувство, а потом, взглянув на реку, я увидел всё прямо перед собой! Я видел это! Ой, Мама, мне страшно!

Чарльз высказал своё мнение, что мальчик, как и сказал доктор, просто нервный.

Но Элле так не казалось. Она вспомнила тот день (четыре года тому назад), когда Билли пробормотал о том, что птичка сказала ему, якобы они будут жить недалеко от Нью-Олбани. Как ни странно, но это исполнилось. Мост через реку? Шестнадцать человек погибло? А что, если однажды и это произойдёт? Элла записала этот случай, размышляя: “Что ж, поживём — увидим”.

В ТИСКАХ НИЩЕТЫ

1916 — 1917

ШКОЛА ВО МНОГИХ отношениях расширила кругозор Билли. Он узнал о мире, воюющем мире, который находился за пределами Индианы и Кентукки по ту сторону зелёных холмов; узнал названия стран, о существовании которых не подозревал. Осенью 1916 года Соединённые Штаты Америки ещё сохраняли нейтралитет, но миссис Темпл (школьная учительница) держала учеников в курсе международных событий. Она рассказывала о союзе, который заключили Германия, Австрия и Венгрия против Франции, Великобритании и России, и часто приносила в школу газеты, читая детям статьи об этой войне. Воображение Билли поражали статьи о солдатах-пехотинцах и главнокомандующих, о жестоких сражениях и романтических героях. Порой он проводил половину своего обеденного перерыва, рассматривая фотографии солдат, напечатанные в газете. Иногда Билли встречал солдат в центре Джефферсонвилла, и от одного лишь взгляда на их щегольское обмундирование семилетний мальчик загорался желанием тоже стать солдатом.

Ллойд Форд, школьный приятель Билли, приобрёл бойскаутский⁶ костюм, продавая летом журнал “*Следопыт*”. К огромной зависти Билли, Ллойд часто носил его в школе. Этот костюм — с эмблемой на груди и лычками звания на рукаве, с военной фуражкой и лампасами по бокам брюк — был тем, что больше всего хотелось иметь Билли. Поведись ему носить такую форму, он ощущал бы себя очень важным.

Однажды, набравшись смелости, Билли попросил:

— Ллойд, когда твой бойскаутский костюм сносится, отдашь его мне?

— Конечно, Билли. Я отдам его тебе, — ответил Ллойд.

К концу октября похолодало. Каждое утро мороз устилал поля своим белоснежным покровом, который изредка таял к десяти часам. Билли дрожал, пробегая к школе всё ещё без рубашки по улице Ютика-Пайк. Если он приходил в школу немного раньше, то до начала уроков мог отогреть свою “гусиную кожу” возле чугунной печки, протапливавшейся углём. Однажды миссис Уотен, жена начальника Чарльза, увидев, наверно, как Билли бежал в школу с голой грудью, дала ему поношенную куртку с нашивкой на рукаве в виде орла. По уши влюблённый в эту роскошную обновку, Билли носил куртку постоянно: работал ли, играл ли во дворе возле своей хатки. В школе он застёгивал куртку по самый воротник, чтобы никто из детей не увидел, что у него под ней нет рубашки.

С чердака, где спал Билли и его младшие братья, ночью были видны звёзды, заглядывавшие через кровельную дранку. Когда начинал идти снег, Элла накрывала мальчиков брезентом, чтобы они не промокли за время сна. Утром брезент бывал устлан снегом.

Мальчики ещё спали, а у Эллы уже был готов завтрак: горячие лепёшки и патока из сорго⁷. Однажды утром она подошла к лестнице и позвала:

---

⁶ Скаутизм/скауты (от англ. *scout* — разведчик) — система внешкольного воспитания молодых граждан 7-21 г. путём познания природы, ремесла и игры; основан в начале XX века в Великобритании полковником Р. Баден-Поуэллом (Baden-Powell, 1857-1941). Организации делятся на бойскаутские (мальчики) и гёрлскаутские (девочки). (Пер.)

⁷ Сорго — крупный южный злак с метельчатым соцветием (близкий к просу), употребляемый в пищу, для корма и для технических нужд. Около 50 видов, в Африке, Азии, Америке, Австралии, на юге Европы. (Пер.)

— Билли! Спускайся с Эдвардом завтракать.

Билли ответил:

— Мама, я ничего не вижу! Мне что-то попало в глаза.

От сквозняка, носившегося всю ночь напролёт по холодному чердаку, веки ребят слиплись, и глаза воспалились.

Элла сказала:

— У тебя гной в глазах. Подожди минутку, я принесу топлёное енотовое сало.

Элла втирала тёплый енотовый жир в веки мальчиков до тех пор, пока они не смогли открыть глаза. Топлёное енотовое сало было в семье лекарством от всех болезней. При сильной простуде Элла давала его своим детям со скипидарным и минеральным маслом. Они проглатывали его, чтобы вылечиться от ангины. И всякий раз, когда Чарльз убивал енота, он обрезал с мяса сало, а Элла перетапливала его, запасая в банки.

В школу Билли с Эдвардом ходили и в снегопад, идя иногда по колее, оставленной повозкой, а подчас пробираясь сквозь сугробы. Приходили они в школу промокшие до колен. К счастью, их мокрые ботинки и штаны к обеду высыхали.

Свой обед мальчики всегда носили в двухлитровом ведёрке из-под патоки. В ведёрце мать клала одну баночку с зелёными овощами, другую банку полную бобов, два куса кукурузного хлеба, оставшегося от завтрака, и две ложки. Билли чувствовал запах свежееиспечённого хлеба, исходивший из обеденных свёртков других детей — так вкусно он пах. Теперь он знал, что одноклассники кушали на обед бутерброды и печенье, и стеснялся, как бы они не увидели его невзрачные бобы и кукурузный хлеб. Из-за этого вдвоём с Эдвардом они спускались к реке, садились на бревно и, расставив банки, втихомолку кушали свой обед. Билли первый доставал ложкой бобы, затем Эдвард совал туда свою ложку, потом снова Билли — и так по очереди, следя за тем, чтобы банки опустошались равномерно.

Незадолго до наступления Рождества 1916 года, миссис Темпл поручила своим ученикам нарезать полосок из красной, белой и синей бумаги, сделать из них гирлянды и отнести их домой, чтобы повесить на новогодние ёлки. До этого Чарльз никогда не приносил в хатку новогоднюю ёлку, но когда Элла увидела украшения своих сыновей, она решила на этот раз устроить всё по-другому: взяла топор, пошла в лес и принесла домой небольшой развесистый кедр. Элла обвила его ветки двумя бумажными гирляндами, однако деревце всё равно выглядело “голым”. Этим летом Чарльз вырастил в саду немного кукурузы, и Элла подумала, что самое подходящее время её использовать. Она поджарила её в закрытом котелке, встряхивая его над открытым огнём. С помощью иголки нанизала она воздушную кукурузу на нитку, и из этого получилась длинная гирлянда. Затем она обвила ею кедр, и он стал похож на новогоднюю ёлку. Это вполне её устроило.

После украшения ёлки у Эллы осталось немного воздушной кукурузы; она положила её в двухлитровое ведёрко из-под патоки и отдала её Билли с Эдвардом на обед в школу. Своё ведёршко с обедом мальчики поставили на полку в раздевалке, где другие ребята вешали пальто. (Билли по-прежнему носил свою куртку, не снимая её даже в классе.) Около десяти часов утра вспомнил Билли о кукурузе, и мысли зароились у него в голове: “Интересно, какова она на вкус? Что, если попробовать пригоршню кукурузы до обеда?” Итак, он поднял руку и спросил у миссис Темпл, можно ли ему выйти в туалет во дворе. Она разрешила. Проходя через раздевалку, Билли снял с ведёрка крышку, прихватил поряточную пригоршню воздушной кукурузы и положил крышку на прежнее место. Он вышел на улицу, встал за кирпичной трубой и съел эту кукурузу, смакуя каждый лакомый кусочек. Перед входом в школу он тщательно вытер руки и лицо, чтобы не осталось никаких следов, которые могли бы уличить его в мошенничестве.

В обеденное время Билли с Эдвардом спустились к реке, чтобы покушать на бревне. Сначала им обоим захотелось пожевать воздушной кукурузы. Когда открыли крышку — обнаружилось, что третья часть кукурузы исчезла. Эдвард взглянул на Билли с невинным удивлением и сказал:

— Смотри-ка, кукуруза куда-то девалась.

Билли постарался удивиться не меньше своего брата.

— Да-а, точно, она куда-то девалась.

Эдвард так ничего и не заподозрил.

В канун Рождества мальчики вывесили свои чулки. Утром каждый у себя в носке обнаружил по апельсину и три конфеты. “О-о, какой хороший этот Дед Мороз, который пришёл и принёс мне это!” — подумал Билли. Он съел свой апельсин на Рождество, а корки высушил и носил в кармане куртки несколько недель, посасывая их вместо конфет.

После рождественских каникул, в январе 1917 года, заметив, что Ллойд Форд уже не надевает свой бойскаутский костюм, Билли спросил:

— Ллойд, а как насчёт того бойскаутского костюма?

Ллойд сказал:

— Прости, Билли. Я забыл, что ты просил его у меня. Спрошу у мамы.

На следующий день Ллойд сообщил печальную новость.

— Билли, мама взяла гимнастёрку и сделала из неё соломенный тюфяк; она использовала и штаны, чтобы заштопать папины брюки. Ничего не осталось, кроме одной штанины.

Не пав духом, Билли сказал:

— Тогда принеси мне ту штанину.

Теперь Билли стал гордым владельцем одной брючины от поношенного бойскаутского костюма, с лампасом на одном боку и с затягивающимся шнурком внизу. Ему так сильно хотелось носить в школу эту штанину, но он не мог придумать, как это сделать. Итак, он засунул её в карман своей куртки: как только подвернётся случай её использовать, она будет наготове. Долго ждать ему не пришлось.

Ужасная снежная буря сбросила свою белую шубу на сельскую местность штата Индиана. Местами сугробы достигали высоты пяти метров. Потом пошла изморозь, образовав слой льда на деревьях и на земле. Это были прекрасные условия для катания. Ученики Ютика-Пайк стали проводить свои обеденные перерывы, катаясь на санках с большого холма неподалёку от школы. У всех ребят были санки, купленные в магазине — у всех, за исключением Билли и Эдварда. Билли вспомнил про старый таз, лежавший в груде хлама у реки. Он принёс его, и вскоре они с Эдвардом присоединились к остальным детям на вершине холма. Усевшись в таз, Билли обвивал ногами Эдварда, сидевшего впереди, и с шумом неслись они с холма, кружась на ходу. Это доставляло им огромное удовольствие; но, в конце концов, ржавое дно таза протёрлось, и они вынуждены были искать что-то другое, что послужило бы им в качестве санок. На этот раз они применили бревно: обтёсывали его до тех пор, пока не придали передней его части форму саночных полозьев. Мороз и снег были как раз подходящими для использования бревна, и на самом крутом склоне холма оба мальчика разогнались на своих самодельных санках до огромной скорости.

Однажды двое братьев неудачно свалились с санок у подножия этого бугра. Билли поднялся, его куртка была вся в снегу, а в ноге он чувствовал тупую боль. Остальные ребята обступили его, спрашивая, всё ли с ним в порядке.

— Ой, я ушиб ногу, — застонал он.

Вдруг его осенила мысль: “Так у меня ж в кармане есть штанина от бойскаутского костюма. Из неё получится отличная повязка”. Достав из кармана брючину, он просунул её через баскетку и натянул на больную ногу, перевязав шнурком. Как раз в тот момент прозвенел школьный звонок, созывая учеников назад в класс.

В этот день миссис Темпл попросила Билли выйти к доске. Он встал боком и решал свою задачу, надеясь, что одноклассники не заметят, что “бойскаутский костюм” был у него только на одной ноге. Но все, конечно же, заметили это. Сдержанное хихиканье вскоре перешло в громкий хохот. Билли заплакал, и миссис Темпл отпустила его домой пораньше.

В апреле миссис Темпл принесла в школу луйсвилльскую газету, заголовок которой гласил: “СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ ОБЪЯВЛЯЮТ ВОЙНУ ГЕРМАНИИ”. Она прочитала вслух эту статью, объясняя, что 18 марта 1917 года немецкие подводные лодки потопили три американских торговых судна, что заставило президента Вудро Вильсона положить конец нейтралитету Америки. Соединённые Штаты Америки вступили в войну.

В школьном дворе на дубах распускались почки. Дни становились значительно теплее. Весь день в классе Билли сидел в своей тяжёлой зимней куртке и обливался потом. Из дырок на носках баскеток торчали пальцы его ног.

Однажды миссис Темпл заметила, что ученики, сидевшие в конце класса, строили насмешливые гримасы и зажимали пальцами нос, как будто что-то воняло. Она недоумевала, было ли это связано с юным Уильямом Бранхамом. Почему же этот мальчик так упорно носит свою куртку в такие жаркие дни?

— Уильям, сними ты эту куртку! Неужели тебе не жарко? — сказала она.

Сердце Билли, казалось, замерло. Не мог он снять куртку — ведь под ней не было рубашки!

— Нет, мадам, мне зябко.

— Тебе холодно в такой жаркий день? — удивилась она.

— Да, мадам.

— Тогда подойди-ка сюда и погрейся у огня.

Билли хранил свою тайну всю зиму — не думал он выдавать её и на этот раз. Неохотно отнёс он свой стул к выпуклой печке, а миссис Темпл подбросила в неё ещё один совок угля. Крупные капли пота выступили на лбу Билли, а затем начали стекать по лицу.

Миссис Темпл спросила:

— Уильям, тебе по-прежнему холодно?

— Да, мадам.

Она покачала головой.

— Ты, наверно, заболел. Иди-ка ты лучше домой.

Несколько дней оставался Билли дома, не зная, где раздобыть рубашку, чтобы можно было снова пойти в школу. Его тётя — сестра отца — жила за холмом, недалеко от их хатки. У неё была дочь, почти ровесница Билли. Незадолго до этого, придя в гости, его двоюродная сестрёнка оставила своё платье. Хотя на нём, спереди и сзади, была волнистая отделочная тесьма, Билли решил сделать из этого платья рубашку. Он отрезал большую часть юбки, а оставшуюся часть заправил в штаны. Посмотрев на себя в разбитое зеркало, прибитое к стволу яблони, он кивнул головой и скрестил указательный и средний пальцы на счастье.

Когда же школьники заметили у него на груди волнистую отделочную нашивку, они стали поддразнивать его:

— Это же платье для девчонок!

— Нет, неправда, — Билли настаивал на своём, — это мой индейский костюм!

Услышав такое, они ещё больше смеялись и беспощадно твердили:

— Билли Бранхам носит девчоночье платье. Вот так хлюпик!

Несмотря на их насмешки, Билли носил эту рубашку каждый день, пока школа не закрылась на летние каникулы. Другого выхода найти он не мог — это была его единственная рубашка.

БЕЗЖАЛОСТНО ИЗБИТЫЙ

1922 — 1923

5 МАЯ 1923 ГОДА Элла Бранхам родила восьмого сына, назвав его Говардом Даффи. Он пополнил компанию своих братьев: Чарльз младший — 4 года, Джесси — 7 лет, Эдгар — 9, Мэлвин — 11, Генри — 12, Эдвард — 13 и Уилльям, которому исполнилось уже 14 лет. Чарльзу Бранхаму становилось всё труднее и труднее прокормить своих восьмерых детей, особенно в холодные месяцы. Всю зиму 1922-23 г.г. Билли расставлял капканы, помогая отцу обеспечивать семью едой. Лесистые участки земли мистера Уотена изобиловали ондатрами, опоссумами⁸, зайцами, бобрами и скунсами⁹. Каждую ночь, в два часа, Билли брал фонарь и уходил проверять свои капканы, зачастую возвращаясь домой, когда уже нужно было идти в школу. Поскольку переодеться ему было не во что, он часто приходил в класс, воняя, как скунс, с которого снимал шкуру незадолго до того. У одноклассников это вызывало огромное отвращение, однако вполне компенсировалось той пользой, которую он приносил своей семье. Когда в капкан попался заяц, Билли мог продать его за 15 центов, а потом купить коробку патронов 22-го калибра и застрелить ещё трёх или четырёх зайцев. Мама подавала зайчатину на ужин, с печеньем из пресного теста и подливкой. Остальную дичь Билли продавал в городе, покупая на вырученные деньги кукурузную или пшеничную муку.

Поездка в город действовала на Билли угнетающе. У семьи Бранхамов была плохая репутация по всему Джефферсонвиллу, и во избежание встречи с Билли люди часто переходили на другую сторону улицы. Некоторые, бывало, разговаривали с ним, пока никто этого не видел; но стоило только кому-нибудь появиться на горизонте, человек прекращал с ним беседу и удалялся. Это причиняло мальчику боль. Он знал, что его отец и дяди слыли буйной компанией — курили, жевали табак, играли в азартные игры, пили и тайно торговали самогоном. Однако Билли с горечью размышлял: “В чём же я провинился? Я не виновен в этом. Я никогда в жизни не пил. Почему же меня причисляют к ним?”

Речь не идёт о том, что Билли не пробовал пить. В одно весеннее воскресное утро шёл он с Эдвардом к реке. Туда же направлялся и отец с мистером Дорнбушем — соседом, который сварил Чарльзу перегонные кубы. Мальчики собирались взять свою старую протекающую лодку и плыть по реке в поисках выброшенных стеклянных бутылок. (Чарльзу всегда были нужны бутылки для его самогона, и он хорошо платил за них — по пять центов за дюжину.) В лодке Билли не было руля, что затрудняло управление при сильном течении. В качестве вёсел использовались две старые доски: Билли неуклюже загребал воду с одной стороны лодки, в то время как Эдвард грёб с другой. Мистер Дорнбуш симпатизировал Билли, и теперь Билли старался создать хорошее впечатление, надеясь, что тот одолжит ему на утро свою непротекающую вёсельную лодку.

Недалеко от реки, поперёк тропинки лежало дерево, сваленное бурей. Чарльз перекинул ногу через его ствол, но вместо того, чтобы перелезть, он опёрся на сук и сказал:

— Давайте остановимся здесь и немного освежимся.

---

⁸ Опоссум (или двуутробка) — небольшое животное семейства сумчатых крыс с длинным цепким хвостом и буровато-серым мехом. В Америке, от южной части Канады до центральной Аргентины, насчитывается до 65 видов. Объект охоты — мех и мясо. (Пер.)

⁹ Скунс — хищный пушной зверёк семейства куньих с ценным тёмно-коричневым или чёрным мехом. Распространён в Северной Америке. Защищается, выбрызгивая из околоанальных желез выделения с отвратительным запахом. (Пер.)

Вытащив из кармана небольшую плоскую бутылку с виски, он поднёс её к губам и затем передал своему товарищу. Мистер Дорнбуш сделал глоток и вернул её Чарльзу, который припрятал её в кустах возле корней упавшего дерева.

Билли показалось, что лучшего времени для снискания расположения не будет.

— Мистер Дорнбуш, не могли бы мы с братом взять на утро вашу лодку?

— Конечно, Билли. Было бы отлично.

Дрожа от воодушевления, Билли подумал: “Есть всё-таки хоть один, кому я нравлюсь”.

Чарльз ещё раз глотнул виски и снова передал бутылку своему приятелю. Когда мистер Дорнбуш утолил жажду, он дал бутылку Билли, говоря:

— Давай, Билли, глотни.

— Нет, спасибо. Я не пью, — ответил Билли.

Такой ответ, казалось, ошеломил мистера Дорнбуша.

— Уж не хочешь ли ты сказать мне, что ты, ирландец, притом ещё Бранхам, и не пьёшь?

Чарльз кивнул головой и, с недовольным видом, сказал:

— У меня подрастает гурьба пацанов, но один из них — слабак. И это Билл.

Билли вспыхнул:

— Я?! Слабак?! — он испытывал омерзение к самой этой мысли. — Мне уже до тошноты надоело, что меня называют слабаком. Дайте мне бутылку.

Мистер Дорнбуш протянул ему фляжку — Билли выхватил её из его руки, откупорил и прижал к губам со злобной решимостью. Он начал было заносить её вверх, но прежде чем капля виски попала бы ему в рот, он услышал шум, похожий на шелест листьев, захваченных вихрем: “*Хи-ш-ш-ш!*” Рука Билли замерла, бутылка зависла у его губ. “*Хи-ш-ш-ш!*” Это не было его воображением — он слышал это настолько же ясно, как и разговор возле себя. “*Хи-ш-ш-ш!*” Билли мгновенно вспомнился тот повелевающий Голос из кроны тополя: “*Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд*”.

До смерти перепуганный и преисполненный разочарования и замешательства, Билли выронил бутылку и пустился бежать через поле, заливаясь горячими слезами.

Чарльз ухмыльнулся:

— Ну, вот видишь, я же тебе говорил. Этот, уж точно, слабак.

Куда бы Билли ни повернулся — жизнь с презрением скалила ему зубы. Он продолжал учёбу в школе до седьмого класса, и она была сопряжена с различными трудностями. Сельская школьная система требовала, чтобы ученики сами покупали себе учебники и школьные принадлежности. У родителей Билли не было денег даже на карандаши и бумагу, не говоря уже об учебниках. По этой причине, каждый раз, когда Билли нужно было готовиться к урокам, он был вынужден брать учебник у одноклассника.

В то время школьная программа была направлена на воспитание в детях высокой нравственности и развитие интеллекта. Один урок, глубоко коснувшийся Билли, был посвящён изучению стихотворения американского поэта Генри Лонгфелло “*Псалом Жизни*”.

Не тверди в строфах унылых:

“Жизнь есть сон пустой!” В ком спит

Душа¹⁰, душой тот умер:

В жизни высший смысл сокрыт.

Жизнь не грёзы. Жизнь есть подвиг!

Не душа умрёт, а плоть.

“Праха еси и в прах вернёшься”, —

О душе не рёк Господь.

---

¹⁰ И. А. Бунин, переводя это стихотворение, в 1-й и во 2-й строфах заменил слово “душа” словом “дух”. Г. Лонгфелло использовал в оригинальном тексте слово “soul” — душа, а не “spirit” — дух. В предпоследней строфе слово “совесть”, используемое И. А. Буниным, было заменено здесь словом “бодрость”, которое лучше отображает выражение “воспрянуть духом” (“to take heart again”) в английском тексте стихотворения. (Пер.)

*Не печаль и не блаженство
Жизни цель: она зовёт
Нас к труду, в котором бодро
Мы должны идти вперёд.*

*Путь далёк, а Время мчится, —
Не теряй в нём ничего.
Помни, что биенье сердца —
Погребальный марш его.*

*На житейском бранном поле,
На биваке Жизни будь —
Не рабом будь, а героем,
Закалившим в битвах грудь.*

*Не оплакивай Былого,
О Грядущем не мечтай,
Действуй только в Настоящем
И ему лишь доверяй!*

*Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времён остался
След и нашего пути, —*

*След, что выведет, быть может,
На дорогу и других —
Заблудившихся, усталых —
И пробудит бодрость в них.*

*Встань же смело на работу,
Отдавай все силы ей
И учись в труде упорном
Ждать прихода лучших дней!*

Это стихотворение вдохновило Билли. Однако, даже в самых бурных своих мечтах, не мог он вообразить, какие глубокие следы оставит на песках времени его же собственная жизнь. На данный момент стихотворение Лонгфелло воспевало надежду в “безотрадной земле”. Эти величественные слова нашли отклик в сердце Билли, ободряя этого растрёпанного четырнадцатилетнего парнишку, пытавшегося понять несправедливость, которую он ощущал в своей жизни. Мальчишки, чуть постарше, поддразнивали его и придирались при любой возможности: что родился в штате Кентукки, что был беден, что был небольшого, для своих лет, роста; наконец, за то, что отличался от них.

К этому времени Билли понял причину нищеты своей семьи — пьянство отца. Однажды, после очередных насмешек, что он был одет в такую потрёпанную одежду, Билли прочитал в учебнике по истории эпизод о том, как Авраам Линкольн сошёл с корабля в Новом Орлеане и проходил мимо аукциона, где продавали рабов. Согласно этому рассказу, Авраам Линкольн увидел, как белые работоторговцы предлагали цену за крупного, крепкого чернокожего мужчину, в то время как жена и дети того раба стояли сбоку, плача. Линкольн, хлопнув в ладоши, сказал: “Это неверно! И однажды я положу этому конец, даже если это будет стоить мне жизни!” Билли отодвинул в сторону учебник по истории и подумал: “Пьянство тоже неверно! И однажды я положу этому конец, даже если для этого потребуется моя жизнь!”

Однако ничто не возбуждало его воображение так сильно, как чтение о пустыне Аризоны в учебнике по географии. Всем сердцем жаждал он находиться там, жаждал ездить верхом по распахнутым просторам прерии, усеянной кактусами. Это казалось таким романтичным, успокаивающим и трогательным. В Билли пробудился поэт, но записать свои мысли ему было не на чем. Попросив у соседа по парте листок бумаги, он написал:

*Я скучаю, так сильно скучаю
По юго-западу — там, далеко,
Где глубокие тени ложатся
На горном хребте высоко.*

*Я вижу койота в засаде,
Лиловая дымка плывёт;
Вой волка мне слышен в прохладе,
Где пасут длиннорогий скот.*

*И слышу, как где-то в каньоне
Горный лев, кугуар, зарвел,
В тех далёких горах Каталлинах,
Где проходит Аризоны предел.*

К сожалению, притеснение со стороны учеников, старших по возрасту, стало выходить за пределы одних лишь язвительных насмешек и колкостей. После окончания уроков они неоднократно набрасывались на Билли. Был он небольшого, для своих лет, роста, но обладал значительным мужеством, да ещё таким характером, что “заводился с полуоборота”. Драчуны сбивали его с ног, а он снова вставал. Тогда они продолжали валить его наземь до тех пор, пока у него не оставалось уже сил подняться. Иногда рот его был так сильно изувечен, что он не мог жевать твёрдую пищу и вынужден был есть через соломинку.

Однажды, весенним днём 1923 года, Билли провожал девочку из школы домой, неся в руках её книжки. На пути к его дому его окружили пять задира и толкнули в грязь. Один из них стал зло насмехаться:

— Ты, тупой кентуккиец, ты чего это слоняешься с той девчонкой?

Другой также издевался:

— Эй, даже и не вздумай ходить с ней, ты слышишь, вонючий кентуккский желторотый сквоб.

Сквоб — это неоперившийся голубь. Слово это часто использовалось для насмешек над местными индейцами. Забияки знали, что мать Билли была наполовину индианкой (в их глазах она была *скво*¹¹), поэтому они насмеялись над ним, обзывая “кентуккским сквобом”.

После такого оскорбления Билли вскочил на ноги и набросился на них, неистово размахивая во все стороны кулаками. Но пятеро — это не один: задиры повозились с ним, однако сумели заломить ему руки за спину. Потом, пока четверо держали его в беспомощном положении, один парень, взяв в кулак увесистый камень, бил Билли в лицо до тех пор, пока он не сполз на землю, теряя сознание.

Билли стал их умолять:

— Прошу, отпустите меня! Я пойду прямо домой. Даю честное слово.

Поскольку он и так уже был в полуобморочном состоянии, мальчуганы согласились. Но прежде, чем отпустить, они швырнули его на землю и дали пару пинков, поцарапав лицо о грязные дорожные камни. Сделали это с изрядной подлостью и ушли.

---

¹¹ Скво (от англ. *squaw* — индианка; жена) — так называют женщин-индианок (в особенности замужних), местных жительниц Северной Америки. Теперь это слово считается оскорбительным. Насмешки тех забияк основывались на игре слов “скво” (*squaw*) и “сквоб” (*squab*). (Пер.)

Билли пошёл напрямик домой, но не для того, чтобы сидеть сложа руки. Сняв с гвоздя ружьё “Винчестер” 22-го калибра, которое висело над дверью, он зарядил его шестнадцатью патронами, затем выбрал кратчайший путь (через заросли белой акации) и направился к тому участку дороги, где, как он уже знал, будут проходить те мальчишки. Затаившись у обочины, он стал их поджидать. Вскоре послышались голоса.

— Вот уж здорово мы проучили этого “кукурузного грызуна”. Теперь-то он будет знать, как шляться с девчонкой, — сказал один из них.

Другой поддакивал:

— А вы видели, как он перепугался?

Следующий добавил:

— Ещё бы, этот кентуккский *сквоб* теперь будет знать, где его место.

Выйдя из кустов, Билли преградил им дорогу ружьём и, взведя курок, хладнокровно сказал, прицеливаясь в них:

— Кто из вас хочет умереть первым, чтобы не видеть, как прикончу остальных?

Все пятеро побледнели и в ужасе завопили, отказываясь верить своим собственным глазам.

— Не хнычьте, потому что всё равно прикончу всех по очереди.

Наведя ствол винтовки на мальчугана, который неоднократно бил его камнем, Билли произнёс:

— Начнём с тебя.

Указательный палец спустил курок. “Щёлк!” — осечка. Билли быстро передёрнул затвор и загнал в патронник другой патрон. “Щёлк!” — опять осечка. К этому времени все пятеро задир уже неслись как угорелые, крича во всё горло, прыгая в овраги и петляя между деревьями в попытке как можно скорее выбраться из того злополучного места. Билли, преследуемый желанием убить их, продолжал неистово загонять патроны в патронник и нажимать на курок: “Щёлк, щёлк, щёлк, щёлк!..” Однако ни один патрон не выстрелил.

Тех пятерых уже и след простыл. На земле же, возле Билли, лежали вразброс шестнадцать патронов. Он собрал их, смахнул с них грязь и снова зарядил ими ружьё. Наведя мушку винтовки на дерево, он начал спускать курок: “Бах, бах, бах, бах!..” На этот раз не произошло ни одной осечки, и в ствол дерева летели пули, от которых во все стороны щепками разлеталась кора. Билли стоял на середине дороги, сгорая от гнева. Потом, ни с того ни с сего, он разразился безудержным истерическим смехом, который вырывался из глубины — от расстройств и досады. Он так сильно смеялся, что по распухшим щекам потекли слёзы.

В том году, когда школа закрылась на летние каникулы, Билли покинул её. Больше он туда уже не возвратился.

СЛУЧАЙНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ РАНЕНИЕ

1923 — 1924

УИЛЛЬЯМ БРАНХАМ провёл своё четырнадцатое лето 1923 года, помогая отцу присматривать за садом и работая в поле. У Чарльза были две лошади: одна — старая, приученная к плугу, которая принадлежала ему, и другая — молодая, которую ему одолжил мистер Уотен. Имея два плуга с односторонним отвалом, Чарльз всегда пахал одновременно двумя плугами. В один из июньских дней, когда Билли и его отец вспахивали кукурузное поле, лошади вдруг зафыркали и нервно затопали копытами. Билли с трудом удерживал свою лошадь между бороздами, чтобы отвал плуга не заходил на стебли кукурузы.

— Папа, что случилось с этой лошадыю? — закричал он.

Лошадь Чарльза тоже приплясывала. Он остановился, вытер лоб красно-белым клетчатым носовым платком и стал всматриваться в горизонт.

— Сынок, надвигается буря.

Билли впился взглядом в лазурно-голубую линию небосклона.

— Буря? Я не вижу никакой бури, папа.

— Сынок, ты не понимаешь. Бог дал этим лошадям инстинкт, и они могут учуять бурю, когда она ещё совсем далеко.

Снова они взялись за плуги, но не пропахали и двух борозд, как тёмные тучи застлали горизонт. Им едва ли хватило времени отвести лошадей в конюшню, как подул порывистый ветер, и вслед за ним разразился дождь. О Боге Билли думал нечасто, так как эта тема редко появлялась в домашних разговорах; однако в этот день он размышлял о Нём: ему стало интересно, какими ещё тонкими инстинктами Бог наделил животных. Погружаясь в раздумья о наблюдениях за обитателями леса, о чудесной гармонии природы, Билли пришёл к заключению, что Бог является очень умным существом.

Однажды, в субботу утром, Билли спросил, можно ли ему поехать в город на весь день. Чарльз дал ему десять центов за помощь в течение недели и сказал: “Не расходуй всех денег в одном месте, сынок”.

Доехав до Джефферсонвилла на попутной машине, Билли направился к дому своего двоюродного брата, Джимми Пула. Потом он, Джимми и Эрнест Фишер пошли в центр города, чтобы потратить свои деньги. Идя по улице, Билли играл в кармане десятицентовой монетой. Он считал себя таким богатым. Прежде всего, он купил стаканчик мороженого за один цент. Затем съел ещё две порции. После этого он пошёл в кондитерский магазин “Schimpff” (“Шимпф”) и стал с аппетитом разглядывать огромные ряды стеклянных баночек, наполненных карамельными конфетами. Билли бывал здесь раньше, поэтому знал, что ему нравится больше всего. Он заплатил два цента за 250 грамм красных конфеток с корицей. Осталось у него пять центов — этого как раз хватило для просмотра двойного сеанса в “Театре Лео”.

Просматривая часами напролёт ковбойские фильмы, Билли воображал о жизни на Западе, где он представлял себя героем на ранчо, приспособленном для приёма отдыхающих и обучения их верховой езде. Высшей точкой его юношеского честолюбия было желание стать настоящим ковбоем — с кожаными штанами и сапогами, с широкополой шляпой и норовистой лошадыю, на которой никто кроме него не мог бы ездить. Он часто слышал от отца, как тот в молодости объезжал диких мустангов и участвовал в играх и состязаниях ковбоев, проводившихся во многих штатах, от Кентукки до Техаса. Билли думал: “О-о, когда я ещё немного подрасту, поеду на Запад и буду настоящим наездником”.

“Тренировался” Билли на старой пахарской лошади. После работы с отцом в поле он приходил домой всегда пораньше, чтобы выполнить повседневные домашние дела. Свою усталую лошадь он отводил за конюшню к корыту с водой, сделанному из выдолбленного бревна. Над корытом жужжали пчёлы. Лошадь погружала морду в муть, хлебная вода, а Билли тем временем снимал с неё упряжь и относил в конюшню. Младшие братья Билли толпились вокруг него. В корыто они опускали волосяную “змею”, которую сплели из волос, вычесанных из гривы и хвоста лошади. Когда лошадь всасывала воду, создавая волны, волосяная “змея” извивалась на поверхности воды, словно скользкий медноголовый щитомордник¹².

Билли притаскивал из конюшни седло и забрасывал его на спину лошади. Вокруг корыта с водой густо разросся репейник и лопух. Билли, перед тем как подтянуть подпругу, нарывал пригоршню колючих шишек и запихивал их под седло. Его братья рядком усаживались на заборе, чтобы смотреть представление. Подпрыгивая на спине лошади, Билли погонял её ударами каблучков по бокам, пытаясь заставить её взбрыкивать. Бедная кобыла, за весь день измождённая работой, просто ржала и ходила кругом, едва ли отрывая копыта от земли. Билли дёргался туда-сюда в седле, делая вид, будто его лошадь была свирепым лягающимся мустангом. Шлёпая её по крупу соломенной шляпой, он кричал:

— Глядите на меня! Я ковбой!

Его братья смеялись и хлопали в ладоши.

В ТУ ОСЕНЬ, после уборки урожая, Билли всё больше и больше времени проводил на рыбалке или в лесу, охотясь со своим псом Фрицем. Билли любил своего бывалого охотничьего пса и хвастался, что Фриц мог загнать на дерево любое животное, умеющее лазить по деревьям. Даже скунс и тот не мог подорвать авторитет его пса. Фриц, бывало, загонял скунса в кучу валежника, затем бегал вокруг тех сучьев и лаял, не позволяя скунсу сбежать. Когда подбегал Билли, всё, что ему нужно было сделать — это раздвинуть валежник и сказать: “Возьми его, дружок!” Фриц без колебаний прыгал туда и хватал скунса, не обращая внимания на ужасно вонючие выделения, которыми тот обрызгивал его. Конечно, мать Билли такие проделки не одобряла.

Охота и рыбалка стали для Билли больше, чем одним лишь приятным времяпровождением. Часы, проводимые им в лесу, предоставляли уединение от внешнего мира, принося утешение и успокоение в его жизнь, — жизнь, невыносимо давившую на него обстоятельствами. В лесу Билли вовсе не чувствовал себя отверженным. Он ощущал, что является частью живой природы, частью ритма времён года, частью естественного порядка вселенной. Он чувствовал неразрывную сплочённость с ней.

Бродя вдаль от дома, Билли обнаружил Туннель-Милл — сельскую местность, находившуюся в 24 километрах на северо-восток от Джефферсонвилла, вблизи Чарльзтауна, штат Индиана. Своё название эта местность получила от знаменитой мельницы, которая стояла недалеко от Фортин-Майл-Крик¹³. В начале XIX века человек по имени Джон Уорк искал подходящее место для постройки мельницы. Найти идеальное место было нелегко. Вода должна была течь с достаточной скоростью и силой, чтобы большую часть года вращать огромное колесо его мельницы. Джон Уорк заметил, что в одном месте река Фортин-Майл-Крик почти полностью огибала большой скалистый холм, снижая, в результате этого, уровень воды на семь метров. Он практически рассчитал, что если построить мельницу на стороне бугра, находившейся ниже по течению, и с помощью динамита пробить туннель прямо в скалистом утёсе по направлению к верхней части течения реки, тогда вода, резко низвергавшаяся через спуск в туннеле, снабжала бы колесо его мельницы всей необходимой силой. Постройка мельницы и туннеля была завершена в 1820 году. Это и дало той местности соответствующее название — Туннель-Милл¹⁴. Тридцать лет спустя сын Джона Уорка продал мельницу Уилфорду Грину, чья семья и управляет ею до сих пор. В связи с этим местные жители иногда называют эту местность Гринс-Милл. **(Фото №1)**

¹² Щитомордник — ядовитая змея семейства гремух с крупными щитками на голове. (Пер.)

¹³ Название речки; дословно с англ.: 14-мильная речушка. (Пер.)

¹⁴ Название “Туннель-Милл” образовано от английских слов “tunnel” (туннель) и “mill” (мельница). (Пер.)

Отдалённая от цивилизации, местность Туннель-Милл изобиловала рыбой, оленями, опоссумами, скунсами, енотами, ондатрами, бобрами, белками; было там много деревьев, холмов, камней, ручьёв, и царили тишина и безмятежность — всё то, чего Билли желал в своей жизни. Он бывал там часто, добираясь на грузовиках, которые ездили туда-сюда из Джефферсонвилла в Чарльзтаун. Иногда ему удавалось уговорить двух своих приятелей — Джимми Пула и Сэма Эдера — поехать с ним туда. Временами он брал с собой Эдварда и Генри. Спали они обычно в заброшенной избушке лесника и всегда на завтрак ловили себе рыбу прямо из ручья. В одном месте река Фортин-Майл-Крик достигала 3 метров глубины и 12 метров ширины, создавая тем самым великолепное место для купания. Это местечко Билли окрестил “Бобровым Заливчиком”. Он прихватил с собой длинную верёвку и привязал её к суку дерева, который свисал над водой. С берега они могли хорошенько раскататься на верёвке, а потом, выпуская её из рук, прыгали в ручей. Для мальчиков это были бесчисленные часы развлечения.

Когда Билли никого не удавалось уговорить поехать с ним, он добирался до Туннель-Милл один на попутных машинах. Целыми днями напролёт он охотился, рыбачил и разведывал труднопроходимый лес. Во время одной из таких вылазок он случайно обнаружил своё будущее убежище. Обогнув холм, Билли очутился у подножия известнякового утёса. Внизу пологие скаты круто врезались в ущелье глубиной около 25 метров. Вся эта местность была густо покрыта растительностью и усеяна вздыбленными глыбами известняка, падавшими сверху, с утёсов. Шёл Билли осторожно, прокладывая себе путь вдоль подножия, как вдруг заметил у своих ног отверстие шириной чуть больше полметра, скрытое густым подлеском. Сначала он подумал, что это лисья нора — расселина между скалами хорошо скрывала животных от непогоды. Однако более внимательный осмотр показал, что это вход в пещеру. Первым делом Билли просунул в отверстие ноги — опускалось оно примерно на метр. Оттуда дно пещеры под наклоном шло сначала вниз, а потом вверх в направлении холма, к тому месту, где сформировался узкий проход, который был достаточно высок, чтобы можно было встать во весь рост. Воздух был прохладным и сырым. Билли прошёл на ощупь небольшое расстояние вдоль коридора, но тут его охватил страх, что он споткнётся и упадёт в яму. Дальше идти в темноте он не осмелился, поэтому решил вернуться сюда в другой раз уже более оснащённым.

Попав сюда в следующий раз, Билли прихватил с собой несколько свечек для продолжения исследования пещеры вглубь. Протиснувшись в отверстие входа, он съехал вниз по скользкому скату к тому месту, где мог встать во весь рост. Здесь ширина коридора достигала всего 45 сантиметров. Хотя стены были строго вертикальны, тени, вызванные мерцавшим пламенем свечи Билли, подчёркивали многочисленные углы известнякового интерьера. Проход, слегка уклонившись вправо, немного расширился. В этом месте дно и свод были довольно плоскими, словно эта часть пещеры была создана для обитания людей. Там даже был плоский выступ, который выдавался из стены и был величиной с кровать. После следующих трёх с половиной метров коридор снова сужался, дно и потолок пещеры становились неровными; свод был усеян угловатыми глыбами известняка, плотно прижатыми одна к другой, однако создавалось впечатление, будто в любой миг они могли упасть.

От входа в пещеру Билли прошёл уже метров восемь, как вдруг остановился, присвистнув от изумления: впереди пещера расширилась, переходя в небольшую комнату. Посередине этой комнатки находился стол, сформированный из цельной массивной глыбы известняка. Он представлял собой прямоугольник шириной и высотой, примерно, в метр и длиной метра полтора. Поверхность стола выглядела изумительно гладкой и ровной, а четыре края казались совершенно прямоугольными. Однако поразительнейшей особенностью комнаты была заострённая треугольная глыба, выступающая из свода пещеры в виде перевернутой пирамиды. Этот массивный камень зависал прямо над столом; вершина же пирамиды находилась всего в нескольких сантиметрах от поверхности стола. **(Фото №2)**

Билли остался довольным своей находкой. Похоже, это было великолепным укрытием, поэтому он решил не показывать этого места ни своим братьям, ни приятелям. Это будет его личной особой тайной. Выйдя из пещеры, Билли замаскировал вход в неё, чтобы никакой путешественник или охотник случайно её не обнаружили.

ЭТО БЫЛИ лучшие дни его юности, оставившие великолепнейшие воспоминания: хождение по лесу, ночлег под открытым звёздным небом, ловля рыбы на завтрак, охота с винтовкой 22-го калибра, с помощью которой он добывал себе пищу на ужин. Стрельба Билли стала настолько меткой, что ему удавалось убивать белок с 50 метров, попадая каждой меж глаз. У него это стало спортивным увлечением, поэтому курок он нажимал только тогда, когда белка смотрела в его направлении. Не хуже наловчился он стрелять и из дробовика, без особых усилий сбивая любую пернатую дичь, которая едва успевала подняться в воздух.

Однажды, осенним вечером 1923 года, четырнадцатилетний Билли шёл домой со своим двоюродным братом Джимми Пулом. В тот день они оба охотились на диких птиц, но теперь мысли их витали где-то далеко — они шутили и смеялись, толкая друг друга. К несчастью, Джимми не счёл нужным разрядить свой дробовик.

Ба-бах!!! — ружьё вдруг выстрелило сблизка прямо в ноги Билли. Тот рухнул наземь, пронзительно крича от боли.

Джимми, упав на колени, залепетал сквозь слёзы:

— Билли, прости! Пожалуйста, прости! Это был несчастный случай. Я не нарочно...

Затем он хорошенько взглянул на ноги своего друга, и лицо его побледнело.

— Билли, не шевелись. Я сбегая за помощью.

— Нет, не оставляй меня! — закричал Билли.

Но Джимми уже нёсся, как заяц, без оглядки. Когда же Билли посмотрел на свои ноги, он ужаснулся — они были прострелены почти надвое. Он откинулся назад, дрожа от страха.

“Боже, смилуйся надо мной, — застонал он. — Ты ведь знаешь, что я никогда не...”, — тут он замолчал, пытаясь вспомнить что-нибудь хорошее из своей жизни, что побудило бы Бога смилостивиться над ним.

“Боже, смилуйся надо мной. Ты ведь знаешь, что я никогда не прелюбодействовал”, — единственное, что он смог придумать.

Вскоре вернулся Джимми с соседом, Фрэнком Эйхом, который отвёз Билли в больницу “Кларк Каунти Мемориал Госпитал”. Билли кричал от мучительной боли, пока медсёстры отрезали ножницами порядочные куски мяса и прочищали, насколько могли, зиявшие раны. Мистер Эйх держал Билли за руку. Когда медсёстры всё закончили, они вынуждены были отрывать пальцы Билли от запястий мистера Эйха. Рентгеновский снимок показал крупную дробь, застрявшую почти вплотную между двумя артериями, так что малейшая царапина могла бы разорвать эти сосуды, и у Билли началось бы кровотечение. О переливании крови в те дни ещё не знали. Потеряя Билли слишком много крови, для него это кончилось бы смертельным исходом.

В ту ночь Билли спал урывками, то похныкивая, то стоная от боли. Чуть за полночь его разбудил хлюпающий звук. Ощупывая свои покалеченные ноги, он опустил руку в лужу крови. Единственное, что могли сделать медсёстры, вызванные колокольчиком, это промокнуть кровь полотенцами и потуже затянуть повязки.

На следующее утро медсёстры отвезли Билли в операционную и, чтобы он не испытывал боли, ввели его в наркоз с помощью эфира. Доктор Ридер сделал всё, что было в его силах, однако недоумевал, сможет ли мальчик это перенести, так как Билли был очень слаб. Кроме отца и матери, на протяжении этого тяжёлого испытания возле Билли стояли две леди: миссис Стюарт, приятельница их семьи, и миссис Родер, чей муж был директором местных автомобильных мастерских.

Восемь часов проспал Билли под наркозом. Открыв, наконец, глаза, он увидел сидевшую возле его кровати миссис Родер, которая плакала, так как он был на волоске от смерти. Билли снова погрузился в сон и в течение последующего часа несколько раз терял сознание. Затем нечто произошло — нечто, похожее на сон, но более отчётливое, чем сон; ясное, как стекло, словно он на самом деле там побывал...

Он ощущал, что падал — падал сквозь тонкие, подёрнутые дымкой облака в мрачной загробной жизни; погружался вниз всё дальше и дальше... Казалось, что для его окружающей среды не было никакой опоры — ничто не могло остановить его падение. “Папа!” — закричал он. Слово это прозвучало вяло и безжизненно. “Мама! Мама!” Не было там и его матери. “Боже, — вскрикнул он, — подхвати меня!” Его жалкие крики глухо раздавались в беспредельной пустоте.

Была ли эта тьма бесконечной? Ушёл ли он за пределы земного, за пределы досягаемости Бога? Может быть, он вечно будет вот так падать... Леденящий ужас охватил его.

Потом он услышал слабые, едва различимые голоса — страшные, стонущие голоса. По мере того, как он падал, звуки эти становились всё громче и громче, пока полностью не объяли его — это были стоны и ворчания. Теперь в темноте появились лица, ужасающие женские лица, с язвенными нарывами вокруг глаз и с искривлёнными ртами, стонавшие: “У-у... у-у... у-у... у-у...”

Билли вскрикнул: “Боже, смилуйся надо мной! Пожалуйста, смилуйся! Если Ты только позволишь мне вернуться и жить, я обещаю Тебе, что буду хорошим мальчиком!”

Мгновение — и он опять очутился в больничной палате, а его расплывшееся видение слилось с тёмными, глубоко посаженными глазами его матери. Лицо её озарилось, и она обняла своего сына, рыдая:

— О-о, Билли, Билли, а мы уже думали, что ты мёртв. Слава Богу, ты жив!

Жив-то жив, но еле-еле. Пенициллина в те дни ещё не было, поэтому его грубые раны от заражения пылали жаром. Его пребывание в больнице растянулось на недели. Поскольку семья Бранхамов не имела денег для оплаты больничных счетов, миссис Родер открыла благотворительный фонд на имя Билли. Все медицинские расходы были, наконец, полностью оплачены благодаря совместным сборам денег: в её церкви (обществом помощи неимущим), у масонов¹⁵, в ку-клукс-клане¹⁶ и частными пожертвованиями.

Наконец, врачи сказали, что Билли поправился и его можно отвезти домой. К сожалению, его тяжёлому испытанию ещё не было видно конца. Дома он по-прежнему был прикован к постели. Прошло несколько месяцев, а состояние его ног не улучшалось. На протяжении многих мучительных мрачных часов Билли беспокойно метался на соломенном тюфяке, размышляя о том странном переживании, когда он погружался в ту ужасную тьму. Она казалась ему настолько реальной и правдоподобной. Где же он побывал? Врачи рассказывали ему о его физическом состоянии на тот момент: пульс резко убывал, и они были уверены, что он умирал. Билли задумался: “Уж не падал ли я в ад?” Это не давало ему покоя. Он подумал: “О-о, пусть я никогда снова не окажусь в таком месте; пусть никакому человеку не придётся идти в такое место, как то”. Затем стал он размышлять о своём обещании Богу: “Если Ты только позволишь мне жить, я обещаю, что буду хорошим мальчиком!” Что же означает “быть хорошим мальчиком”? И вообще, кто такой Бог? Все эти переживания озадачивали его.

Когда холодную зиму сменила тёплая весна 1924 года, стало очевидно, что состояние Билли ухудшилось, а не улучшилось. Икры его ног распухли вдвое их обычного размера, и опухоль поднялась к бёдрам, так что он не мог выпрямить ног. Доктор Ридер поставил диагноз: заражение крови, вызванное осколками, оставшимися в ранах. Снова жизнь Билли подверглась опасности. Врач рекомендовал ампутировать обе ноги до бёдер. Билли ни в какую не мог смириться с мыслью о потере своих ног. Как же он сможет тогда охотиться и ходить по лесу? Уж лучше ему тогда умереть. С безусловной решимостью он отказался от ампутации ног, говоря сквозь слёзы:

— Нет, доктор, просто возьмите немного выше и отнимите их вот здесь, — и он провёл рукой себе по шее.

— Есть шанс обойтись без ампутации, — ответил доктор Ридер. — Мы могли бы попытаться очистить раны от инородных тел. Шанс небольшой, но можно попробовать.

За этот небольшой шанс Билли захотел ухватиться. Итак, семь месяцев спустя после того несчастного случая с дробовиком снова лежал он на операционном столе. Доктор Ридер вместе с доктором Перлом, специалистом из Луисвилла, вскрыли его раны и осторожно проникали в ткани, извлекая кусочки засаленной охотничьей одежды, частички ружейных пыжей и свинцовые

---

¹⁵ Массонство (также франкмасонство, от франц. *franc maçon* — вольный каменщик) — религиозно-политическое движение, возникшее в XVIII в. в Великобритании в виде тайной международной организации с мистическими обрядами, ставившей себе целью “нравственное совершенствование” (воздвижение “храма добродетели”) и мирное объединение человечества в религиозном братском союзе. (Пер.)

¹⁶ Ку-клукс-клан (Ku Klux Klan) — тайная расистская организация в США, созданная в 1865 г. для борьбы с негритянским движением и прогрессивными организациями. (Пер.)

картечины — любой посторонний материал, который они могли найти. Затем они зашили раны в надежде на лучшее.

Много часов спал Билли с обезболивающими средствами... Выйдя из этого “заточения” в яркий свет сознания, он испытал ещё одно поразительное переживание, которое было таким же реальным и правдоподобным, как и предыдущее, но значительно отличалось от него. В этот раз он знал, что сна у него не было ни в одном глазу, потому что он лежал на больничной койке, глядя прямо на отца.

Больничная палата стала расплываться, и внезапно Билли очутился на Западе, стоя в прерии. Повсюду, до самого горизонта, простирались заросли кактусов и травяных кустарников. Перед его глазами в небе висел огромный золотой крест, сияя, как солнце, и испуская во все стороны лучи света. Когда Билли вознёс руки к этому символу, казалось, некоторые из этих лучей направились прямо ему в грудь.

Затем это трансовое переживание ушло, и Билли снова очутился в больничной палате, глядя на своего отца.

Операция прошла успешно.

СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР

1925 — 1927

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ Уильяма Бранхама о женском поле формировалось ещё в детстве, когда он рос бок о бок с самогонной подпольщиной. Неоднократно он наблюдал, как после наступления темноты замужние женщины украдкой заходили в сарай, где, затем, всю ночь пьянствовали с мужчинами, которые не были их мужьями. К утру обычно эти женщины были настолько пьяны, что мужчинам приходилось отпаивать их кофе и водить кругами по двору до тех пор, пока те, достаточно протрезвившись, могли сами дойти до дома, чтобы приготовить завтрак своим семьям. Их поведение вызывало у Билли отвращение. Он размышлял: “Раз уж женщины такие негодницы, я ни за что не женюсь, даже если мне будут “навязывать” это”.

В результате этих негативных обстоятельств Билли испытывал неприязнь к любому общественному мероприятию, где мог бы столкнуться с девчонками. Будь то вечеринка по случаю дня рождения или сельский праздник с танцами в амбаре — Билли всеми усилиями старался избегать этого. При первом же намёке на праздничные приготовления он запоминал время и место, где это будет происходить, и умудрялся быть занятым в то назначенное время. Подчас и его родители приглашали соседей и устраивали весёлую вечеринку с танцами. Такими ночами Билли брал свой фонарь, охотничьего пса и отправлялся в лесную глушь, охотясь полночи на енотов и опоссумов. Если при его возвращении домой музыканты по-прежнему пиликали на скрипках, он взбирался на самый верх дровяного сарая и спал там до рассвета.

Уход Билли из школы не разрешил ни одной из его проблем — они просто-напросто стали проявляться по-новому. Он по-прежнему вынужден был бороться с постоянной неприязнью со стороны сверстников. Большинство местных мальчишек недолюбливали его, потому что он не курил и не выпивал, а девчонкам он не нравился из-за того, что не ходил на танцы и вечеринки. Никто не мог его понять. Но худшее заключалось в том, что Билли не мог понять самого себя. Хотя он любил людей и желал быть воспринятым ими, он, в то же время, не мог заставить себя поступать подобно своим сверстникам.

Не раз он размышлял: “Что ж, если суждено мне быть изгнанником, тогда я стану капканщиком. Когда достигну совершеннолетия и смогу где-нибудь раздобыть достаточно денег для содержания мамы, отправлюсь в штаты Колорадо и Вашингтон, или, возможно, поеду в Британскую Колумбию и буду охотиться, расставляя капканы. Возьму своё ружьё, капканы, свору охотничьих собак и буду жить там до самой смерти. И никогда не женюсь”.

Всегда, когда у Билли намечались перспективные планы, он считался со своей матерью. Он терзался при виде того, сколько трудностей и невзгод испытывала она из-за алкоголизма Чарльза. К тридцати годам она была матерью восьмерых мальчиков, старшему из которых исполнилось пятнадцать. Денег и одежды постоянно не хватало; часто не было достаточно и пищи. Билли доводилось видеть, как она сидела на пороге и плакала, с ребёнком на руках, выставленная за дверь своего же дома; а Чарльз тем временем, вдребезги пьяный, всю ночь лежал в комнате. И, тем не менее, Элла Бранхам оставалась верной своему мужу и постоянно заботилась о том, чтобы её семья была одета, накормлена и, по возможности, счастлива. Билли любил маму за её благопристойность; более того, он любил её за то, что она принимала его таким, каким он был,

со всеми его странностями. Ему казалось, что жизнь должна была надеть её большим, поэтому он считал своей обязанностью заботиться о её благополучии. Её пример вселял в Билли надежду, что в мире ещё оставались приличные женщины.

Незадолго до наступления 1926 года в их город приехала новая девушка, которая завязала дружбу с подружкой Джимми Пула. Поскольку Билли и Джимми были закадычными друзьями, однажды в его доме Билли столкнулся с этой девушкой. Красота её поразила его: глазки у неё были, как у голубки, зубки белые, как жемчужинки, а шея изящная, как у лебёдушки. Когда Джимми представил его, она похлопала глазками и кокетливо сказала: “Приветик, Билли”. Это решило дело. Билли попался на крючок.

Позже Джимми играл роль посредника.

— Думаю, что ты ей нравишься, Билли.

Билли так и растаял:

— Правда?

— Конечно же, она любит тебя. Послушай-ка, а почему бы нам не устроить двойное свидание? Мы прокатимся с ними в старом “Форде” моего отца... то есть, в том случае, если мне удастся его завести.

— Ну, не знаю, — нервно ответил Билли.

— Ещё бы, ведь мы отлично проведём время. Но нам придётся раздобыть немного наличных. Сколько денег ты можешь наскрести?

Билли колебался, но затем решил, что если он действительно нравится этой прелестной девушке, тогда ему следует раскошелиться.

— У меня есть 30 центов.

Это удовлетворило Джимми.

— Отлично. У меня 35 центов. Этого должно хватить. Не учитывая бензин, мы должны купить им что-нибудь попить или мороженое, или что-нибудь ещё.

У Билли возникла мысль, как поближе познакомиться с этой девушкой.

— Послушай, Джимми, а что если ты будешь за рулём, а я сделаю покупки?

— Звучит неплохо.

Им пришлось поднять домкратом задние колёса автомобиля и раз десять крутануть мотор рукояткой, пока старенький “Форд” модели “Т” не завёлся. К тому времени, когда они заехали за своими девушками, солнце уже зашло. Билли и его спутница сели на заднее сиденье. Как всегда застенчивый, Билли отодвинулся к краю, как можно дальше от неё. Он надеялся, что темнота и расстояние между ними скроют его потрёпанную одежду.

Открыв верх автомобиля, они с грохотом мчались по освещённым луной сельским дорогам, направляясь неведомо куда. Джимми и его подруга, сидевшие на передних сиденьях, заправляли всем разговором. Билли же сидел спокойно, украдкой поглядывая на свою девушку. Он восхищался тем, какой сияющей выглядела она при лунном свете, и сердце его переполнялось гордостью при одной лишь мысли о том, что такая красавица согласилась ехать с ним. Что ж, возможно, не все девчонки были плохи.

Она посмотрела в его сторону и улыбнулась.

— Прекрасный вечер, не правда ли?

— Да, мадам, — ответил Билли.

— Сегодня вечером в “Садах Сикоморов” будут танцы, — отметила она. — Давай съездим туда.

Билли стало не по себе.

— Нет, мадам, мне не хочется. Я не танцую.

Поколесив по сельской местности, они подъехали к придорожному магазину. Билли с Джимми уже распланировали все свои действия. Билли откашлялся, говоря:

— Джимми, у меня немного пересохло в горле. Как ты считаешь, не остановиться ли нам здесь?

— Отличная мысль, Билли.

Остановив машину возле магазина, Джимми сказал:

— Я пойду купить что-нибудь поесть и попить.

— Не беспокойся, — перебил его Билли. — Я схожу и всё куплю.

Всё это было тоже подстроено, потому что у Джимми не было и цента в руках. Они потратили 25 центов на восемь литров бензина, оставив 40 центов, которые Билли держал у себя в кармане.

Сэндвичи (большие, с ветчиной, щедро сдобренные луком) стоили по 5 центов каждый, и у Билли как раз хватило денег, чтобы купить ещё четыре бутылки кока-колы. Кушали они в машине, наслаждаясь стрекотаньем сверчков и вечерней прохладой. Билли был в приподнятом настроении. Он и вправду понравился этой девушке! В этот вечер он был заодно с компанией и чувствовал себя кем-то важным.

Они выпили кока-колу, и Билли понёс сдать бутылки в магазин, чтобы вернуть за них деньги. Когда он вышел, вся тройка сидела в машине и курила. Билли с трудом верил своим глазам: его спутница, та прелестная девушка, курила сигарету! Она откидывала голову назад, выпуская дым через нос. Билли обомлел. Вяло взобрался он на подножку машины и плюхнулся на заднее сиденье.

— Хочешь сигарету, Билли? — предложила ему его подруга.

— Нет, мадам, — ответил он с недовольством. — Я не курю.

Её охватило раздражение.

— Билли Бранхам, в чём дело? Сначала ты мне сказал, что не танцуешь; теперь говоришь, что не куришь. Тогда что же тебе нравится делать?

— Я люблю охотиться и рыбачить.

— Как глупо, — сказала она и с отвращением вздёрнула верхнюю губку. — Возьми-ка, Билли, выкури сигаретку и придай своей жизни больше веселья.

— Нет, мадам, я не хочу этого делать.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что у нас, девчонок, больше мужества, чем у вас? — ухмыльнулась она. — Да ты просто самый что ни на есть слабак.

Слабак?! Капкан на бобра, вонзившийся в лодыжку, и тот причинил бы меньше боли, чем это ужасное слово. Слабак? Боль жаром обдала сердце Билли! Слабак? Уж кто-кто, но только не он. Он был “большим, крутым Биллом” — охотником, капканщиком, бойцом. Слабак? Теперь-то он ей покажет.

— Дай сюда сигарету! — потребовал он.

Лёгким щелчком она самодовольно вынула её из пачки и передала ему.

— Дай-ка мне спички, — попросил Билли.

— Ну, теперь ты больше похож на мужчину, — сказала она, подавая коробок.

Билли зажёл спичку и, держа в другой руке сигарету, поднёс их одновременно ко рту. Однако не успела сигарета коснуться его губ, как послышался шум, похожий на шелест листьев, кружащихся на ветру. Билли опустил сигарету и напряг слух: ничего не было слышно.

“А, мне это просто показалось”, — подумал он.

— В чём дело, Билли? — спросила его спутница.

— Ничего. Я просто пытаюсь закурить, — вздёрнув голову, сказал он.

Снова поднёс Билли сигарету ко рту и вновь услышал тот звук, на этот раз громче. Тихий равномерный шум ветра нарастал, становясь всё мощнее и мощнее, пока не превратился в раскатистое гудение в его ушах. “*Хи-ш-ш-ш!*” Руки его замерли, не достигнув рта, и он вспомнил тот низкий Голос в листве тополя, предостерегавший его: “*Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Когда повзрослеешь, для тебя будет труд*”. У Билли затряслись руки. Спичка догорела до самых пальцев, и он уронил её. Вслед за ней упала и сигарета. Он заплакал.

Подруга его захихикала.

— Теперь уж я точно знаю, что ты слабак.

Злой, расстроенный и перепуганный, Билли распахнул дверь машины, выскочил из неё и, плача, зашагал по дороге. Джимми ехал возле него.

— Ну же, садись, Билл.

Билли покачал головой.

— Нет, Джимми, — ответил он и продолжал идти.

Джимми по-прежнему ехал рядом, уговаривая его сесть в машину, в то время как спутница Билли безжалостно насмехалась над ним:

— Билли Бранхам, да ты ж слабак из слабаков! А я-то думала, что ты мужчина.

— Я тоже думал, что я мужчина, — всхлипывая, сказал Билли.

С этими словами он свернул с дороги и пошёл прямо через поле, где машина не могла за ним ехать. Он шагал машинально, пока не очутился за холмом, потеряв из виду дорогу. Там он свернулся калачиком на земле и стал рыдать, глядя на луну: “Я никуда не годен. Я не могу завести друзей. Я выродок среди парней. Никому нет до меня дела. Тогда зачем я живу? Какая из этого польза? О-о, если бы я как-то мог умереть прямо здесь и положить конец всем этим мучениям! Я стал пленником чего-то странного и даже не знаю, что делать”.

Билли рыдал до тех пор, пока силы и чувства не иссякли. Затем он просто сидел там, вперив взор в луну, чувствуя себя таким же омертвелым, как и тот безжизненный каменный шар, висевший в небе. Вдруг он ощутил нечто странное, будто что-то давило на него. У него возникло жутковатое предчувствие, что он не один. Затаив дыхание, Билли стал прислушиваться — кругом царил мёртвая тишина. Он стал озираться, всматриваясь в залитое лунным светом поле. Никого не было видно, но он ощущал, что кто-то (или что-то) находится очень близко от него. Мурашки пробежали по его спине. До смерти перепуганный, он во все ноги пустился домой.

Такие странные переживания приводили Билли к осознанию того, что его жизнь отличалась от обычной жизни людей — и не одной лишь нищетой. Для него были мучительно-непонятны те “приключения”, которые то и дело случались с ним, и странные встречи, наподобие той... с гадалкой. Однажды, на ярмарке с аттракционами, Билли шёл с Джимми Пулом по центральной улице и слушал, как зазывалы расхваливали достоинства различных игр и экспонатов. Ребята проходили мимо палатки гадалки, где у полога, закрывавшего вход, стояла молодая цыганка.

— Эй, послушай! — воскликнула цыганка. — Подойди сюда на минутку.

Оба парня обернулись.

— Ты, в полосатом свитере, — добавила она.

Билли был в полосатом свитере и, полагая, что ей хотелось, чтобы он сходил купить бутылку кока-колы и бутерброд, подошёл к гадалке.

— Да, мадам, чем могу быть полезен?

— А ты знаешь, что за тобой следует Свет? — спросила она.

Эти странные слова поразили Билла.

— Свет? Что вы имеете в виду?

— Я вижу, что ты родился под знаком: три главных планеты находятся в соединении в твоём первом доме гороскопа, и все они образуют чрезвычайно особую квадратуру с Нептуном¹⁷. Вот почему за тобой следует Свет. Ты родился для божественного призвания, — объяснила она.

Билли бросило в дрожь.

— Послушайте, женщина, замолчите! — резко прервал он её и поспешно удалился.

Позже он рассказал об этом случае своей матери, и она сказала:

— Билли, ты правильно поступил. Те гадалки от дьявола.

Это не давало Билли покоя. Как мог кто-то, явно имеющий дело с дьяволом, выделить его из толпы как имеющего... (как же цыганка назвала это?) имеющего “божественное призвание”?

Не в силах понять самого же себя, Билли всё больше и больше стал разочаровываться в своём положении. Почему он всегда казался “гадким утёнком”, который не мог ужиться со своими сверстниками? Дома ему было не слаще. Хотя к этому времени Чарльз со своей семьёй переехал из прежней хатки в больший дом на земельном участке мистера Уотена, на окраине Джефферсонвилла, их домашняя жизнь по-прежнему проходила в замешательстве и неразберихе.

---

¹⁷ “Соединение”, “дом гороскопа” и “квадратура” являются астрологическими терминами. *Дом гороскопа* — один из 12 секторов небесной сферы, которые постоянно двигаются по ходу 12 знаков Зодиака, совершая полный оборот за одни звёздные сутки. Деление гороскопа на дома гороскопа производится для отображения суточного вращения небесной сферы в конкретном географическом пункте. *Соединение* или *конъюнкция* (от лат. *conjunctio* — соединение) — дуговой зодиакальный аспект величиной в 1/1 окружности (0, 360 градусов), когда планеты находятся в одном знаке Зодиака. *Квадратура* (лат. *quadratura*, от *quadrare* — делать четырёхугольным) — дуговой зодиакальный аспект величиной в 1/4 окружности (90 градусов), когда планеты находятся одна от другой через три знака Зодиака. (*Пер.*)

В августе 1927 года Элла Бранхам родила девятого ребёнка — Джеймса Дональда. Теперь в доме было девять мальчишек, в возрасте от одного до восемнадцати лет, которые вместе жили и дрались.

Истинный покой Билли, как всегда, находил в лесах, где любил бродить со своим псом Фрицем. Внезапно обрушился сокрушительный удар. Мистер Шорт, заместитель местного шерифа, отравил Фрица. Сгорая от ненависти, Билли пришёл в исступление. Чарльз поймал своего сына, когда тот, с ружьём в руках, направлялся к полицейскому участку.

— Папа, я убью его, — огрызался Билли, дрожа от злости.

Чарльз вырвал ружьё из рук разгорячившегося сына.

— Как бы не так! Ты не сделаешь этого ни за что на свете.

Билли вернулся к могиле своего пса, опустил на колени и снял шляпу. “Фриц, ты был мне другом, настоящим товарищем. Ты укрывал меня, кормил и провожал в школу. Я собирался заботиться о тебе, когда ты состаришься. Но вот, мистер Шорт погубил тебя преждевременно. Обещаю тебе, Фриц, что ему несдобровать; не долго ему осталось жить. Однажды я выслежу его, идущего по улице, и налечу на него машиной. Я отомщу ему за тебя”.

Поскольку теперь Билли лишился своего лучшего друга, он почувствовал, как никогда раньше, что нуждался в жизненной перемене. Переправившись через реку в Луисвилл, штат Кентукки, он записался в военно-морской флот. Когда вечером он сказал об этом матери, она вспыхнула негодованием. На следующее утро она отправилась в призывной пункт военно-морского флота и уговорила вербовщиков вычеркнуть фамилию своего сына из их списка.

Билли понял, что если придётся сделать решительный шаг, он должен будет совершить это втайне. Немного погодя, осенью того же года, такая возможность представилась ему. Его знакомый по имени Франциско собирался поехать на Запад в Финикс, штат Аризона. Билли намекнул ему, что тоже намеревался когда-нибудь отправиться на Запад. Мистер Франциско понял Билли с полуслова и попросил его поехать вместе, предложив ему даже плату за помощь в вождении машины во время этой сложной поездки протяжённостью в 3200 километров. **(Фото №3)** Билли охотно принял это предложение, и вскоре они были готовы отправиться в путь. Матери он сказал, что собирался пойти в поход в Туннель-Милл на неделю или две. Таким образом, он мог покинуть город без опасения, что она попытается его отговорить. По прибытии в Аризону он намеревался написать ей письмо и всё объяснить.

БЕГСТВО В ПУСТЫНЮ

1927 — 1929

КОГДА УИЛЛЬЯМ БРАНХАМ приехал в Финикс, штат Аризона, мистер Франциско заплатил ему, как и обещал, три доллара. Кроме этих денег у Билли не было и гроша в кармане, но он сильно из-за этого не переживал. Он был уверен, что появится какая-нибудь возможность подработать.

Был декабрь 1927 года. Билли исполнилось восемнадцать лет, и его переполняло воодушевление при виде новых возможностей в своей жизни.

Отослав домой, для своей матери, письмо с объяснениями, Билли отправился осматривать город. Вскоре набрёл он на обычное родео¹⁸. Это навело его на мысли: “Я ж ведь отличный ездок. Поскольку сейчас я без денег, то почему бы не использовать этот лёгкий способ подзаработать здесь, на родео? Но прежде чем я покажусь тем ковбоям, мне нужно раздобыть пару кожаных ковбойских штанов”.

Он прошёлся вниз по улице до ближайшего магазина, где продавали одежду, и примерил пару кожаных ковбойских штанов. Они были просто превосходные: на пряжке ремня отчеканено слово “АРИЗОНА”, и к каждой штанине пришта эмблема в виде бычьей головы с медными пуговицами вместо глаз. Однако эти штаны не подходили ему по росту, и кожаные штанины тащились по полу. Билли взглянул на себя в зеркало и подумал: “Да уж, я ведь похож на бойцовского петуха-коротышку — один пух да перья”.

— Эта пара стоит 25 долларов, сэр, — сказал продавец магазина.

Билли был рад отказаться от них.

— Боюсь, что три доллара — это всё, что у меня есть.

— Тогда вам лучше купить пару джинсов фирмы “Ливайз”¹⁹, — предложил продавец.

Билли купил джинсы “Ливайз”, ковбойскую шляпу и вернулся на родео. На одном из ограждений в ряд сидели кривоногие, обезображенные ковбои, которые, видно, прошли немало прогонов скота и пастбищных войн. “Вот где моё место”, — подумал Билли. Влезши на ограждение, он сел возле них. Все вокруг него бормотали, охваченные восторгом. Билли подоспел как раз к тому моменту, когда какой-то знаменитый наездник садился на пресловутого дикого жеребца. Коня держали в стойле неподалёку. Наблюдая за этим длинноногим ковбоем, садившимся в седло, Билли подумал: “Если этот парень не сможет удержаться на этой лошади, тогда я смогу”.

Не успели ворота распахнуться, как конь захрапел и вылетел из стойла, взбрыкивая в воздухе всеми четырьмя ногами. Ударив копытами о землю, он снова вскочил, извиваясь всем своим телом и одновременно лягаясь задними ногами. Ездок взлетел в воздух, как соломенное пугало, глухо шмякнулся о землю, хрустнув всеми костями, и неподвижно замер на середине арены; кровь струилась из его носа. Пока помощник ловил коня и закрывал его в стойло, ковбоя, находившегося в бессознательном состоянии, отнесли в машину скорой помощи, которая повезла его в больницу.

Вдоль ограждения, на котором вместе со всеми ковбоями, одетыми в кожаную одежду, сидел Билли, медленно ехал верхом мужчина. Он сказал:

---

¹⁸ Родео — ковбойские состязания, включающие поимку дикой лошади или быка, их укрощение и верховую езду на них. (Пер.)

¹⁹ По-английски: “Levis”. (Пер.)

— Я дам 50 долларов любому, кто сможет 30 секунд удержаться на этом коне.

Всадник то и дело останавливался, глядя каждому ковбою в глаза, и повторял своё предложение и плату. Никто не отважился принять его вызов. Тогда незнакомец остановил лошадь перед Билли и спросил:

— А ты наездник?

— Нет, сэр, — робко ответил Билли.

БИЛЛИ УСТРОИЛСЯ работать на животноводческом ранчо²⁰ в небольшом городе Викенбурге, находившемся на северо-западе от Финикса. Его верховая езда быстро совершенствовалась, и вскоре он стал выполнять определённую работу на ранчо. Теперь он превратился в настоящего ковбоя, которым всегда и мечтал стать. **(Фото №4)**

Красота аризонской пустыни превзошла все самые бурные фантазии Билли. Вокруг громоздились отвесные скалистые горы, выступавшие своими хребтами из ложа прерии и граничившие с сапфировой синевой небосклона. Низины прерии и пологие склоны каньона были сплошь усеяны гигантскими канделябровыми кактусами-цереусами²¹, с вытянувшимися вверх мясистыми отростками. Пустыня предстала во всей своей красе и разнообразии, лаская взор всевозможными растениями. Тут росли опунции — небольшие кактусы, похожие на хвост бобра с длинными зловещими шипами; подушечкообразные кактусы, которые были до того густо утыканы мельчайшими иголочками, что казались пушистыми; бочковидные кактусы, напоминавшие своей формой бочонок с колючими гранями; и невысокие ветвистые деревья, известные своим испанским названием *palo verde* (*пало-верде*), что в переводе означает “зелёная палка”. **(Фото №5,6)** Изысканно-причудливый мир животных также очаровывал Билли: ящерицы-ядозубы, гремучие змеи, наносящие удар сбоку, кенгуровые крысы и явелинские свиньи²². Всё это было настолько экзотичным и так сильно отличалось от лесов, покрывавших долину реки Огайо. И подумать только — вот он сейчас находится посреди этой экзотики, скачет верхом на лошади, вздымая пыль прерии, и работает в числе других ковбоев с длиннорогими быками. Это была самая что ни на есть жизнь. Что могло быть лучше?! Он ощущал себя так, будто сделал шаг, вдруг очутился в одном из тех романтических ковбойских фильмов, которые смотрел в детстве.

Однако после полуторалетней работы на ранчо иллюзия совершенства у Билли стала блекнуть. Уже к лету 1929 года резко начала возрастать его неудовлетворённость. Не раз он задавался вопросом, что же было не в порядке. Он приехал в пустыню, чтобы найти покой и довольство, но, почему-то, спокойствие и удовлетворение ускользали от него. Он не был счастлив вполне — чего-то не хватало в его жизни. Но чего?

Наконец, наступило время осеннего загона скота. На протяжении всего лета большинство местных работников ранчо выгоняли свой скот пастись на одни и те же пастбища высоко в горы, где среди сосен густо росла трава. Каждую осень они работали сообща, сгоняя разбредшийся скот и ведя его общим стадом в долинные ранчо, где, затем, разделяли его в соответствии с выжженными клеймами. Прошлогодний загон скота оказался самым захватывающим переживанием, какое Билли когда-либо испытывал. Однако в этом году его не покидало беспокойство, которое неотступно преследовало всё лето. Что же было не так?

Когда вечерние сумерки стали протягивать над прерией свой мрачный покров, Билли снял с лошади седло и положил его вблизи костра вместо подушки. Поужинав, он опёрся на седло и стал наблюдать, как солнце медленно скрывалось за горами, испуская яркие лучи оранжевого, розового и алого цвета. Пожилой техасец по имени Слим настраивал свою гитару. Каждый вечер Слим наполнял пустыню ковбойскими балладами, под аккомпанемент другого ковбоя, дувшего

²⁰ Ранчо (от исп. *rancho* — небольшая ферма) — скотоводческая или другая ферма в США; в странах Латинской Америки — усадьба. (Пер.)

²¹ Цереус гигантский (лат. *Cereus giganteus*) — крупный кактус, распространённый на юго-западе США и в северных районах Мексики. Ветви направлены вверх, цветы белые; плоды красного цвета, съедобны. Достигает высоты 18 м. (Пер.)

²² Явелинская свинья (от исп. *jabalina* — дикая свинья) или ошейниковый пекари — дикая свинья, обитающая на юго-западе США и на севере Мексики. Длина тела до 1 м, весит 16-50 кг. (Пер.)

через расчёску, отчего клочок бумаги, приставленный к ней, трепетал и гудел в стройном звучании. Слим напевал:

*Прошлой ночью, в полях размышляя,
Я на звёзды смотрел в небесах
И подумал: могу ль оказаться
Я, пастух, в тех далёких мирах.*

*Есть путь в этот светлый край счастья,
Говорят, что он узкий, прямой.
Но в погибель ведёт путь широкий,
Он блестит и проторен толпой.*

*Они говорят о Владельце,
Кто всегда может место найти
В просторном загоне тем грешным,
Что бредут по прямому пути.*

*Говорят, что Он не оставит,
Их вид и дела знает Он,
Но мне нужно иметь Его метку,
Чтоб я в Книгу Его был внесён.*

*Говорят, что в огромном загоне,
Все ковбои предстанут, как скот;
Каждый всадник суда будет метить,
Зная признаки разных пород.*

*Если я отобьюсь от стада,
Буду к смерти тогда осуждён,
Как норовистый и отделённый,
Когда въедет Хозяин в загон.*

Билли понимал, что подразумевалось под словами этой баллады. “Норовистый и отделённый” — это был неклеимённый скот, судьба которого разрешалась в котле с супом. А что насчёт великого Владельца и Его Книги с ярлыками? Билли задумался, уж не это ли так сильно тревожило его? Не имело ли это что-нибудь общее с Богом?

Слим стал наигрывать другую мелодию, на этот раз стародавний церковный гимн:

*Там, на кресте, где Христос страдал,
Где о прощенье я умолял,
Там Он меня Кровью оправдал.
О, хвала Ему!*

Слушая эту спокойную, протяжную мелодию, Билли почувствовал щемящую боль в сердце. Он повернулся и натянул одеяло на голову, оставив открытыми только глаза и нос. Звёзды нависали так низко над горами, что казалось, их можно было коснуться рукой. В непрерывном шёпоте мягкого ветерка, шаловливо ласкавшего хвою сосен, Билли почудилось, что он слышал Голос Бога, звавшего его, как Он звал Своего первого сына, который сбился с пути: “Адам, Адам, где ты?”

Спустя три недели загон скота закончился. Ковбои отправились назад на ранчо, чтобы получить зарплату и прочитав присланные письма. Билли ожидало письмо от матери, пришедшее, как показывал почтовый штемпель, несколько недель тому назад. Среди всех

новостей она упомянула, что Эдвард очень болен. Билли не принял это близко к сердцу, полагая, что его брат всего лишь простудился или заболел гриппом.

В тот же день, после полудня, все ковбои поехали в Финикс повеселиться. Хотя Билли не был в приподнятом настроении, как другие, он, тем не менее, отправился вместе с ними, чтобы сменить обстановку. Когда работники ранчо зашли шеренгой в бар, Билли в одиночку поплёлся по улице. В сердце он по-прежнему чувствовал беспокойство. Что же было не так? По дому он явно не соскучился. Он полюбил Аризону, полюбил пустыню и наслаждался своей работой. Но почему-то внутри себя он всё ещё ощущал пустоту — чего-то не доставало. Он не мог понять, чего.

Присев на пару минут, Билли стал наблюдать за движением на улице. Мимо проходила красивая невысокая испаночка, похлопала ему глазками и уронила на землю белый платок. Летая в своих мыслях, он сказал:

— Эй, ты уронила носовой платок.

Девушка подняла его и пошла дальше.

Затем Билли услышал музыку, доносившуюся с другого конца улицы. Он пошёл в том направлении и очутился около пустой арены родео, где возле конюшен пожилой ковбой играл на гитаре и пел:

*Там, на кресте, где Христос страдал,
Где о прощенье я умолял,
Там Он меня Кровью оправдал.
О, хвала Ему!*

Однако этот ковбой пел с **б**ольшим чувством, чем Слим тем вечером в прерии. Этот пел гимн так, будто лично прожил его. Слезы текли по его рябым щекам. К концу припева он повернулся к Билли и сказал:

— Брат, ты не узнаешь, что это такое, пока не примешь этого прекрасного Иисуса Христа.

И снова он принялся напевать этот припев:

— О, хвала Ему!..

Нахлобучив шляпу, Билли удалился. Сердце его обуревали невыразимые чувства.

К тому времени, когда Билли вернулся к бару, его товарищи по работе на ранчо надрывали животы от смеха, стреляя из револьверов друг другу по пальцам ног, чтобы заставить один другого приплясывать. Они спорили на пять долларов, что смогут пройти по прямой линии, хотя все были настолько пьяны, что едва держались на ногах. Билли затолкал их в машину и отвёз назад в Викенбург.

На следующее утро, когда Билл вошёл в столовую, ему передали записку: “Билл, приди на северный выгон. Крайне важно”.

У ворот загона его ждал Папаша, пожилой “объездчик Одинокой звезды”²³.

— Боюсь, дружище, у меня плохие новости для тебя, — сказал он, вручая Билли телеграмму, в которой сообщалось следующее: “Твой брат Эдвард умер вчера ночью. Немедленно приезжай домой”.

Новость эта ошеломила Билли. В его семье это была первая смерть. Он отвернулся от Папаши и устремил взгляд на жёлтую, выжженную солнцем прерию; слёзы катились по его щекам. Думал он о том, какой тяжкой для них обоих была жизнь в детстве: ходили в школу, не имея достаточно одежды, без учебников, письменной бумаги или карандашей, а подчас дома не хватало и еды. Тут Билли вспомнил, как украл у своего брата ту увесистую пригоршню воздушной кукурузы. О, если бы он только мог вернуться в прошлое и прожить тот момент по-новому! Ни за что на свете он не стянул бы такое лакомство у своего бедного голодного друга. Но он не мог прожить это заново. Теперь он даже не мог попросить прощения. Эдварда уже не стало. Билли задался вопросом: “А был ли Эдвард готов встретиться с Богом?” И тогда эта же мысль пронзила его самого: “Что насчёт тебя? Готов ли *ты* сам пойти на встречу с Богом?”

Билли вернулся в Джефферсонвилл на похороны. Преподобный МакКинни сказал в заключении своей проповеди:

---

²³ Сравнение с главным героем книги Зейна Грэя (Zane Gray) “Объездчик Одинокой звезды”.

— Возможно, здесь есть некоторые, кто не знает Бога. Если это так, то примите Его сейчас.

Билли вцепился в стул, чтобы не встать. Сердце его терзало какое-то странное чувство — какого-то рода магнетизм, который он не мог понять. Чем бы это ни было, в любом случае, он чувствовал себя от этого несчастным.

После похорон Билли собирался вернуться в Аризону, но мать так сильно умоляла его остаться в Индиане, что он, наконец, согласился, но при условии, если удастся найти здесь работу. Вскоре Билли устроился на работу, копать канавы для прокладки газопровода местной компании: Компании коммунального обслуживания Индианы. Он решил на некоторое время остаться в Джефферсонвилле.

В 1929 году снег выпал поздней осенью. Когда Билли проснулся и увидел, что вся земля белая, скованная морозом, он взял у матери одно из одеял и поехал на кладбище. Там он сгрёб снег с могилы Эдварда и расстелил одеяло на свежем песчаном холмике. Он хотел, чтобы Эдварду было теплее...

СОПРОВОЖДАЕМЫЙ ЗНАМЕНИЕМ

1929

В ОКТЯБРЕ 1929 ГОДА рухнула фондовая биржа Нью-Йорка, что ввергло Соединённые Штаты в невиданное до тех пор экономическое бедствие. Тысячи банков закрыли свои парадные двери, в то время как беспомощные банкиры на цыпочках выходили из зданий через чёрный ход, чтобы не попасться на глаза своим разгневанным вкладчикам. В конечном итоге, Великая Депрессия²⁴ охватила все сферы экономики: заводы либо резко сократили своё производство, либо полностью закрылись; фермеры обанкротились или же потуже затянули пояс; безработица неимоверно возросла, так что каждый четвёртый американский рабочий томился бездельем.

Уильям Бранхам работал в отделе коммунального обслуживания Джефферсонвилла и зарабатывал только 20 центов в час, но, имея возможность работать, он считал себя счастливым. Он всё ещё мечтал посвятить свою жизнь охоте на пушных зверей в горах Запада, однако в данный момент его зарплата была нужна дома. Чарльз Бранхам, которому исполнилось 38 лет, стал безработным, и теперь его шансы на получение постоянной работы были очень малы (здоровье ослабело из-за сильного пьянства). 2 ноября 1929 года Элла Бранхам родила десятого и последнего ребёнка. Наконец, после девяти сыновей у неё появилась дочка. Элла назвала свою дочь Фэй Дэлорес Бранхам, но обращалась к ней по имени Дэлорес. Итак, из одиннадцати Бранхамов, проживавших в одном доме, только у одного Билли была постоянная работа. Он чувствовал, что обязан помогать в содержании семьи, по крайней мере, ещё несколько лет.

Работая в Компании коммунального обслуживания Индианы круглый год, Билли редко бывал дома, однако работа не давала скучать и соответствовала его темпераменту. Одну неделю он мог копать канавы для прокладки газовых труб, на следующей неделе ему могли поручить снимать показания счётчиков; затем он ремонтировал газовые трубы в местах утечки газа или же взбирался на электрические столбы, чтобы ликвидировать неполадки на линии электропередач. Единственное, что ему не нравилось в его работе — это отключать электрический ток у тех клиентов, которые не могли оплатить свои счета. А поскольку Депрессия усиливалась, это случалось слишком часто и шло вразрез с его характером.

Несмотря на то, что Билли был рад иметь работу в компании коммунального обслуживания, восьми долларов в неделю не очень-то хватало для семьи из одиннадцати человек. Поэтому, когда ему предложили работу заместителя инспектора по охране дичи на неполную ставку, он сразу же ухватился за эту возможность. Это означало, что он будет регулярно выезжать за город для патрулирования лесной глуши. Сама мысль, что ему будут платить за то, что он больше всего любил делать, казалась идеальной. В действительности всё обстояло совсем иначе. Его зарплата представляла собой комиссионное вознаграждение и зависела от количества штрафных квитанций, выданных им нарушителям законов охраны дичи. Однако у Билли не хватало силы воли, чтобы заставить себя выписать кому-либо штрафную квитанцию. Он считал, что можно было бы извлечь больше пользы, просто присев с браконьером и прочитав ему лекцию о преимуществах охраны дичи и важности соблюдения законов штата. В сущности, всё сводилось к тому, что он тратил всё время, бродя по окрестным лесам, но то удовольствие, которое он получал, вырываясь из города, было достаточным вознаграждением.

---

²⁴ Великая Депрессия (от лат. *depressio* — подавление) — экономический кризис 1929-1932 г.г. в США. (Пер.)

Однажды Билли должен был патрулировать государственный заповедник в Генривилле, в 32 километрах к северу от Джефферсонвилла. Не успел он сесть в автобус “Грейхаунд”²⁵, как странное чувство пронизало его: это было похоже на давление, будто какая-то невидимая сила давила на него. Автобус был полностью заполнен: пассажиры заняли все сидячие места, и многие стояли в проходе. Билли пропихнулся к середине автобуса и остановился между моряком и полной женщиной средних лет. Женщина подняла глаза и сказала:

— Здравствуйте!

Автобус тем временем отъехал от вокзала.

— Здравствуйте, — ответил Билли, наблюдая через окно за мелькавшими домами. Эта странная сила теперь давила на него ещё сильнее. Казалось, она исходила от этой крупной женщины. Взглянув краешком глаза, Билли заметил, что она уставилась ему прямо в лицо. Этим она поставила его в неловкое положение.

Вскоре незнакомка начала разговор.

— Вы полицейский?

Билли носил свою униформу инспектора по охране дичи; сбоку у него висела кобура с револьвером.

— Я инспектор по охране природы, — ответил он.

— Вы одиноки, не так ли?

Билли скрыл своё удивление.

— Нет, мадам, — солгал он.

— Что ж, вы не находитесь в своём доме, — сказала она.

— Я нахожусь в том доме, какой у меня есть.

Она покачала головой.

— Нет, вы родились, чтобы жить на Западе.

Это так сильно ошеломило Билли, будто она облила его ледяной водой с головы до ног.

— Да о чём вы говорите?

— Может быть, мне лучше вам всё объяснить. Понимаете, я астролог, — сказала она.

Билли внутренне вздохнул, размышляя: “Ну вот, ещё одна из этих странных женщин”. Он отошёл от неё и стал поближе к моряку.

Она последовала за ним, слегка покачиваясь при толчках автобуса.

— Я хотела бы поговорить с вами несколько минут, — сказала она.

Билли продолжал смотреть вперёд, делая вид, что не слышит её. Она не отступала:

— Можно мне поговорить с вами совсем недолго?

Билли не обращал на неё внимания. “Я веду себя не по-джентельменски, но мне совсем не хочется разговаривать с ней”, — подумал он.

Однако женщина не отставала от него.

— Эй вы, инспектор по охране природы, можно мне поговорить с вами несколько минут?

Наконец, Билли повернулся, сказав ей коротко и резко:

— Что вам от меня нужно?

Он почувствовал угрызение совести, так как вёл себя грубо, но ему на самом деле не хотелось разговаривать с астрологом. Он вспомнил, что нагадала ему цыганка на ярмарке с аттракционами, и эти воспоминания снова встревожили его.

— Вы христианин? — спросила женщина.

— Нет, — резко оборвал он её. — А что вам до этого?

Она пожала плечами.

— О, мне просто интересно узнать, известно ли вам, что вы рождены под знаком?

Комок подкатил к горлу Билла и стал перекрывать дыхание.

— Послушайте, леди, я вообще ничего не хочу знать об этом, понимаете. Я знаю, что говорю с вами резко, но я делаю это осознанно. Мне до этого нет ровно никакого дела.

Она немного отступила.

---

²⁵ Английское слово “greyhound” значит “борзая, гончая”. Отсюда взято название скорых маршрутных автобусов, которые ездят в США и Канаде. (Пер.)

— О, не будьте таким жёстким.

— Я не собираюсь ранить ваших чувств, но я ничего не знаю о каких бы то ни было религиозных вещах, и мне не хочется знать.

Билли отвернулся от неё и стал смотреть в переднюю часть автобуса, слегка охватывая взором моряка.

— О, не ведите себя так. Это не имеет ничего общего с религией. Я сейчас еду в Чикаго проведать своего сына; он баптистский служитель. Я работаю в Белом доме. А знаете ли вы, что расположение звёзд оказывает влияние на события, происходящие здесь, на земле?

— Я ничего об этом не знаю, — ответил Билли.

— Впереди вас стоит моряк. Спросите его, не управляет ли луна приливами и отливами, — сказала она.

— У меня самого достаточно ума, чтобы это знать, — прервал он её.

— Что ж, есть ещё много других небесных тел, которые в мире считают очень значительными. Если я скажу вам в точности, когда вы родились, вы поверите мне? — продолжала женщина.

Билли нахмурил брови.

— Вам никак не удастся это сделать.

Она улыбнулась.

— О, у меня это получится. Вы родились 6 апреля 1909 года, в пять часов утра.

Грубовато-неприветливый вид Билли исчез и растаял, сменившись полнейшим изумлением.

— Совершенно верно. Теперь скажите этому моряку, когда родился он.

— Этого я не могу сделать, — сказала она. — Понимаете, вы родились под знаменем. Разве служители никогда не разговаривали с вами об этом?

— У меня нет ничего общего со служителями, ровно ничего.

Женщина на мгновение отвела взгляд в сторону, размышляя над этим.

— Разве не странно, что служители ничего об этом не знают?

— Я не болтаюсь без дела там, где они, — ответил Билли.

Она снова устремила взор на него.

— Послушайте, я хочу вам кое-что сказать. Вы родились под знаменем, как дар человечеству. Если бы вы только могли это осознать...

Он прервал её.

— Может быть, я буду очередным Даниэлем Буном²⁶? Мне нравится охота, и я тоже родился в штате Кентукки.

— Нет, я говорю совсем не об этом.

— Ну, тогда, может быть, я стану бизнесменом? У меня есть среднее образование. Казалось, это не веселило её.

— Я говорю совсем не об этом. Я не знаю, кем вы будете, но я вижу, судя по вашей ауре, что вы родились как дар. Вы помните историю о том, как звезда вела “мудрецов” к Иисусу-младенцу?

— Я ничего не знаю о религии.

— Но вы всё же слышали о “мудрецах”, которые шли увидеть Иисуса-младенца, правда?

— Да.

— А кто такие “мудрецы”?

— О, они были просто *мудрецами*; это всё, что я знаю.

Она объяснила:

— “Мудрецы” были такими же, как и я, астрологами, звездочётами. Знаете, перед тем, как Бог совершает что-нибудь на земле, Он, прежде всего, всегда провозглашает это на небе. Именно это Он и сделал, когда родился Иисус: три небесных тела выстроились в ряд и образовали

---

²⁶ Даниэль Бун (Daniel Boone, 1734-1820) — один из выдающихся американских предводителей, который помог переселенцам занять штат Кентукки и участвовал в битвах против индейцев, когда образовывались американские колонии. (Пер.)

соединение²⁷, что привлекло внимание нескольких астрологов, живших на Востоке. Один из них был из родословной Сима, другой — Хама, а третий — Иафета, троих сыновей Ноя. Они представляли всех людей на земле. Каждый из этих трёх человек путешествовал на запад самостоятельно, не зная, что туда ехали и другие, пока не встретились в Иерусалиме. Затем они отправились в Вифлеем и нашли там Иисуса-младенца, узнав по цвету Его ауры, что Иисус был Тем, Кого они искали. Вы знаете, что такое аура? Это сверхъестественный свет души. У каждого человека есть аура. Ауры бывают различных цветов, и у каждого цвета есть своё значение. Золотой цвет означает дар от Бога. Итак, эти “мудрецы” поклонились Иисусу и дали Ему свои дары. Как раз тогда, когда они отправились назад, те три небесных тела начали расходиться по своим орбитам. В честь величайшего дара, данного Богом — Его собственного Сына Иисуса — всякий раз, когда эти небесные тела снова выстраиваются в ряд, Бог посылает человечеству меньший дар. Именно под таким соединением планет вы и родились. Вас сопровождает аура золотого цвета. Вот почему я знаю дату и время вашего рождения, а также то, что ваша судьба должна свершиться на Западе.

Из учтивости, Билли старался слушать внимательно, но к этому моменту ему уже надоело.

— Леди, всё, что мне известно, это то, что я являюсь инспектором по охране дичи в Индиане, и я стараюсь делать всё, что в моих силах. Я не религиозен, и мне не хочется ничего больше об этом слышать!

Билли продвинулся к передней части автобуса и встал так, что теперь моряк оказался между ним и женщиной-астрологом. Это помогло, и разговор окончился.

Тем не менее, забыть это происшествие было не так уж просто, и оно ещё не раз тревожило мысли Билли. Его жизнь, похоже, так сильно отличалась от жизни большинства людей, которых он знал... А как насчёт дара? Что это могло означать? И что же особенного было в нём, что так привлекало этих странных людей? Гадалка сказала, что видела Свет, сопровождавший его; женщина-астролог назвала этот Свет аурой. Билли никак не мог всё это совместить. Вопросы витали, “кувыркаясь” в его разуме, как сливки в маслобойке. Почему же он так отличался от других? Почему он ощутил то пронизывающее давление, как только вошёл в автобус-экспресс? И почему он чувствовал себя так неловко, когда разговор зашёл о религии? Уж не боялся ли он? Может быть, Бог искал его, а он избегал встречи с Ним? И что же та женщина имела в виду, когда сказала, что его судьбе определено свершиться на Западе?

---

²⁷ Женщина-астролог ссылалась на *соединение* — астрологический аспект, когда планеты находятся в одном знаке Зодиака; см. пояснения в сноске №17. (Пер.)

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

1930 — 1932

КОГДА УИЛЛЬЯМУ БРАНХАМУ пошёл двадцать первый год, ему совсем неожиданно представилась возможность подзаработать.

Однажды, одолжив мотоцикл модели “Харли-Дэвидсон”, он нёсся по гравийной дороге, но не справился с управлением, и его занесло в кювет возле тренировочного комплекса боксёров. Несколько человек увидели аварию и побежали через дорогу, чтобы помочь и убедиться, не поранился ли он. К счастью, Билли отделался всего лишь лёгкими ушибами и царапинами, но при этом он пережил сильное потрясение, поэтому не мог сразу же взяться за руль, чтобы продолжить путь. В связи с этим его пригласили зайти в тренировочный комплекс и посмотреть несколько боёв на ринге, пока ему не станет лучше. Как только Билли вошёл в комнату, один из тренеров, мужчина по имени Джордж Смит, прозываемый “шестисекундником”, открыл дверцу птичьей клетки. Из неё молниеносно вылетела канарейка и стала так стремительно метаться по комнате, что Смит никак не удавалось её поймать. Когда же птичка проносилась над головой Билли, он схватил её на лету.

“Шестисекундник” Смит присвистнул в полном восторге.

— За всю свою жизнь ещё не видел таких быстрых рук. Молодой человек, а вы когда-нибудь задумывались о профессиональном боксе?

Это замечание, сделанное по ходу дела, заставило Билли призадуматься о профессиональном боксе, и вскоре он стал уделять большую часть свободного времени спортивным тренировкам. За день он пробегал от 11 до 13 километров, затем отправлялся в тренировочный комплекс, где тренировался в ударах по подвесной груше, пока кто-нибудь из боксёров не вызывал его на поединок. Наблюдая за Билли на ринге во время тренировочных состязаний, “шестисекундник” Смит больше восторгался его твёрдой решимостью, нежели быстротой движений. Тренер провёл с Билли много часов, обучая его правильной постановке ног, движениям рук, а самое главное — как принимать удары и при этом устоять на ногах.

Джордж Смит получил своё прозвище после первого профессионального состязания, в котором он нокаутировал своего соперника ровно за шесть секунд. Смит был старше Билли лет на восемь и весил, примерно, на 15 килограммов больше. Более сильного и крутого человека он ещё в своей жизни не встречал. Когда Билли впервые вышел на ринг со своим тренером, “шестисекундник” молотил его беспощадно. Однажды Смит ударил Билли с такой силой, что тот перелетел через верёвки и растянулся на складных стульях, которые стояли возле ринга. Долго Билли не мог подняться на ноги. Когда он, наконец, отдышался и пришёл в себя, то спросил:

— Шестой, почему ты меня так бьёшь?

Смит засмеялся в ответ:

— Такая тренировка пойдёт тебе только на пользу.

— На пользу? Как же она может пойти мне на пользу? Ты же меня чуть ли не до смерти избиваешь!

— Послушай, Билли, независимо от того, насколько ты физически силён, каждый раз, когда тебя бьют, удар сотрясает твой организм и останавливает приток крови к сердцу. В боксе тебе придётся научиться принимать сильные удары и быстро оправляться от них. Если твоё тело не привыкнет быстро оправляться от ударов, ты будешь там лежать, а секунды тем временем будут отсчитываться. Но если ты к этому привыкнешь, то даже если тебя пошлют в нокаунт²⁸, ты

²⁸ Послать в нокаун — сбить с ног. (Пер.)

снова быстро встанешь. Вот как я тренирую. Сейчас ты можешь меня недолюбливать, но когда выйдешь на ринг, будешь мне благодарен.

Билли снова пошёл на ринг и продолжал тренировку. Вскоре он достиг такого самообладания, что “шестисекундник” Смит мог бить его в живот с огромной силой, от которой он отлетал на верёвки, но при всём этом оставался в прежней форме и был готов продолжать бой. Как только Билли научился выдерживать во время тренировочных поединков от восьми до десяти раундов, он начал участвовать в любительских состязаниях под названием “Золотые Перчатки”.

На ринге Билли процветал. Он вкладывал в это все свои силы, будь то просто тренировка или профессиональный бой. Бокс давал волю его чувствам; гнев и смтение, которые накапливались в нём за всё то время, способствовали тому, что его руки посылали удары, как ружьё пули. Быстрота и решимость увенчивали его одной победой за другой. Каждая победа всё больше поднимала Билли на вершину славы, и его уверенность в себе резко возрастала. Никогда в жизни он не получал такого признания, такого одобрения. Он начал чувствовать себя значительной личностью.

Участвуя в состязаниях как боксёр-любитель, Билли не проиграл ни одного поединка. Прошёл год его участия в турнирах “Золотые Перчатки”, и он стал профессионалом. Он одержал победу в пятнадцати матчах подряд, включая районный чемпионат среди боксёров легчайшего веса²⁹, в котором принимали участие представители из трёх штатов. Теперь Билли думал, что он непобедим. Но однажды нашла коса на камень — он встретил равного себе противника.

Ему назначили поединок с Биллом Причардом, боксёром из Западной Виргинии, принимавшим участие в чемпионате. Матч проходил в Эвансвилле, штат Индиана. Билли поехал в Эвансвилл со своим другом Говардом МакЛином, боксёром второго полусреднего веса, у которого в тот вечер тоже был матч. Они пообедили в три часа дня и вернулись к рингу, чтобы немного отдохнуть, а потом обмотать себе руки перед поединком. На Билли был синий костюм. Вынув из кармана расчёску, он провёл ею по своим густым тёмным волосам.

Говард взглянул на своего приятеля и присвистнул.

— Знаешь что, Билли? Ты похож на баптистского проповедничка.

Билли воспыпал гневом. Он всегда был повышенно-чувствительным к оскорблениям, и в его восприятии “проповедник” был равнозначен “слабаку”.

— Минуточку, Говард. Тебе бы лучше улыбаться, когда такое говоришь.

Билли широко расставил ноги и приготовил кулаки. Хотя Говард превышал его в весе на 13 килограммов, он был готов наброситься на него. Но Говард просто засмеялся, уверяя его, что всего лишь пошутил, и Билли опустил кулаки.

В тот вечер на ринге Билли изумлялся силой и быстротой своего соперника. Причард ринулся на него с яростью, равной которой Билли ещё не знал. Впервые за всю свою боксёрскую карьеру он почувствовал неуверенность в своих силах. В начале матча, осознав, что попал впросак, он ещё надеялся, что сможет закончить поединок с Причардом вничью. Однако когда в разгаре матча на Билли стали обрушиваться удары один за другим, он начал недоумевать: уж не собирался ли Причард прикончить его там? К концу боя, в передышке между раундами, Билли, сидя на стуле, поднял взор к потолку и тихо помолился: “Боже, если Ты позволишь мне выйти отсюда живым, я обещаю, что оставлю бокс”.

После того вечера на ринг Билли уже больше никогда не выходил. **(Фото №7)**

КАК-ТО ОСЕНЬЮ 1931 года Билли ремонтировал счётчики на газовом заводе в Нью-Олбани. От испарений в местах утечки газа у него закружилась голова, и он упал на пол. Последствия этого происшествия постоянно давали о себе знать: у него болела голова, в глазах всё расплывалось, он с трудом мог есть; в желудке сильно повысилась кислотность, и всякий раз, когда пища попадала в него, возникали сильные боли с последующей изжогой во рту. Компания коммунального обслуживания Индианы выделила деньги для медицинского обследования Билли в Луисвилле, штат Кентукки, но у врачей возникли затруднения в установлении диагноза. После повторных обследований они, наконец, определили, что у него аппендицит. Это удивило Билли, поскольку он не ощущал боли в боку — она исходила из желудка. Специалисты объяснили, что

²⁹ Легчайший вес: 51-54 кг; второй полусредний вес: 62-67 кг.

при его обследовании отравление газом просто сбило их с толку, скрыв симптомы аппендицита. Они настойчиво утверждали, что его аппендикс воспалён, и его необходимо удалить.

Билли неохотно согласился, но при условии, что операцию будут делать под местным наркозом. У него остались ужасающие воспоминания от операции, сделанной ему в четырнадцать лет, когда обе ноги были ужасно покалечены выстрелом из ружья. Тогда он едва очнулся после наркоза и до сих пор не смог забыть то жуткое переживание, когда летел вниз сквозь пределы потерянных и скитавшихся душ. Ужас, тьма, одиночество и эти омерзительные лица!.. Ни за что на свете ему не хотелось снова увидеть то место!

Нервный и перепуганный, Билли желал, чтобы кто-нибудь, умеющий молиться, стоял возле него во время операции, поэтому он попросил служителя из местной Первой Баптистской Церкви побыть рядом с ним. Аппендикс был успешно удалён, и Билли отвезли в палату. Лёжа на больничной койке в полном сознании, он почувствовал, что пульс стал слабеть с каждой минутой. Билли попытался позвать медсестру, но голос его превратился в шёпот, а руки так ослабли, что он не мог ими двигать; дыхание стало неглубоким, сердцебиение настолько замедлилось, что сердце вообще едва ли билось. Он подумал: “Это уже смерть? Я умираю?”

*Свет в палате потускнел, стены стали расплываться и приняли мрачные очертания, похожие на деревья. Казалось, он очутился в холодном, тёмном лесу. Ему послышалось, что где-то вдалеке дул ветер. Сначала этот шум был слабый, но затем усилился и начал перемещаться в его направлении. Билли охватила паника. “Это ж смерть идёт за мной!” Он попытался молиться, однако не мог найти слов. А ветер нёсся всё быстрее и быстрее, пока ветки деревьев вокруг него не стали качаться с невероятной силой. Затем всё изменилось: тёмный лес внезапно исчез, и Билли обнаружил, что стоит в тени огромного белого тополя. Это было то самое дерево, которое так сильно напугало его в детстве, и встречи с которым он с тех пор избегал. Чувствовалось, что воздух был неподвижен и гнетущ, как в день с 99-процентной влажностью. Звук шелестевших листьев заставил Билли поднять взор, и он увидел тот же самый вихрь, кружившийся в верхних ветках; раздался тот же глубокий Голос: “**Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом. Я звал тебя, а ты не шёл**”. В мыслях Билли вернулся к тому дню, много лет назад, когда этот Голос сказал ещё: “**...Когда повзрослеешь, для тебя будет труд**”. Голос снова повторил обвинение:*

— **Я звал тебя, а ты не шёл.**

Билли обьял ужас. Не упустил ли он смысл жизни? Можно ли ещё всё исправить?

— *Кто звал? Кто ты? И что ты хотел, чтобы я сделал? — в исступлении громко спросил он.*

Голос повторил в третий раз:

— **Я звал тебя, а ты не шёл.**

Билли закричал:

— *Иисус, если это Ты, то позволь мне вернуться на землю, и я буду проповедовать Твоё Евангелие с крыши домов и на углах улиц. Я всем расскажу об этом!*

Одно мгновение — и Билли снова оказался на больничной койке. Теперь его сердцебиение было нормальным, а лёгкие глубоко вбирали воздух. Он выжил.

Хирург, стоявший у постели Билли, был заметно изумлён, увидев, как быстро его щёки налились кровью и восстановились его жизненные силы. Повернувшись лицом к Чарльзу и Элле Бранхам, он высказал своё мнение: “Я не хожу в церковь. Моя врачебная практика настолько обширна, что у меня так и не нашлось времени для этого. Но я знаю, что Бог посетил этого парня”.

Билли был вынужден вернуться на работу, как только его швы могли выдерживать нагрузку. К сожалению, операция не сняла ни одного из первоначальных симптомов. На протяжении зимы 1931-32 г.г. его физическое состояние постоянно ухудшалось. Желудок Билли извергал почти всё, что он пытался есть, вынуждая его жить на ячменном отваре и соке черносливы — и даже это плохо усваивалось. У Билли развился астигматизм³⁰, и он мог видеть

---

³⁰ Астигматизм (от греч. “a” — отрицательная частица и *stigma* — метка, точка) — заболевание глаз, вследствие которого изображение предметов становится нерезким и размытым; это обусловлено неодинаковым преломлением лучей в глазу в разных точках роговицы и хрусталика. (*Пер.*)

только в очках с толстыми линзами. Всякий раз, когда он снимал очки, его голова так сильно тряслась, что парикмахер даже не мог его подстригать.

Врачи-специалисты в Луисвилле были озадачены. После множества проведённых обследований один врач сказал: “Мистер Бранхам, боюсь, что ваше состояние безнадежное. Ваш желудок представляет собой ни что иное, как большой клубок воспалённых язв. Всю оставшуюся жизнь вам придётся строго соблюдать диету. Никогда не забывайте, что один кусочек твёрдой пищи погубит вас”.

Билли вернулся домой болезненным и подавленным, но, по крайней мере, он был жив. Теперь он был решительно настроен найти Бога, чтобы сдержать своё обещание. С огромным воодушевлением начал он читать Библию. Чем больше он читал, тем больше ободрялся. Он на самом деле мог отождествиться с такими событиями, когда мужчины и женщины слышали Божий Голос, говоривший непосредственно к ним. Возможно ли, что Бог говорил к нему из листвы того тополя, когда он был совсем ещё мальчиком? Билли всегда предполагал, что это был Он, однако не был до конца убеждён, пока не прочитал о том, как Бог говорил с Иовом из вихря³¹. Это его полностью убедило. Затем, когда Билли Бранхам с головой погрузился в чтение жизнеописаний Иисуса, Петра и Павла, он просто сгорал от возбуждения. Здесь нашёл он объяснения тем странным, похожим на транс переживаниям, когда он вовсе не спал, был в бодрствующем состоянии и внезапно обнаруживал, что находился где-то в другом месте, и видел, как происходило нечто, что выглядело настолько же реально, как обувь на его ногах. В Библии это называется видениями. Так что его жизнь, возможно, не была такой уж странной. Просто-напросто Бог, наверно, имел непосредственное взаимоотношение с ним.

Билли начал посещать различные церкви в своей местности, спрашивая, как он мог бы встретиться с Богом. Однако вместо согласия и общего чёткого пути он столкнулся с противоречивыми мнениями, которые порождали одно лишь замешательство. Руководителям Первой Баптистской Церкви хотелось, чтобы он записался в регистрационный журнал их церкви, и тогда они вручили бы ему письмо о принятии в число своих членов. Лютеране желали, чтобы он посещал уроки конфирмации³². Католики сказали, что ему нужно признать папу римского как верховную Божью власть на земле и посещать мессу каждое воскресенье. Адвентисты Седьмого Дня сказали, что ему следует соблюдать субботу как шаббат³³. Каждая церковь полагала, что у неё есть монополия на истину, тем самым исключая все другие церкви.

Билли не знал, что и делать. Он не имел ни малейшего представления, где найти Бога. Затем он подумал: “А знаешь, ведь я видел Его в природе. Пойду-ка я в лес поговорить с Ним”.

Он отправился в одно из своих излюбленных охотничьих местечек, но и это не помогло. Он не знал, что говорить, и чувствовал, что глупо разговаривать с самим собой, когда, казалось, не было никого, кто слушал бы его. Тогда его осенила мысль: “А почему бы не написать Богу письмо?” Это показалось хорошей идеей, и он написал:

Глубокоуважаемый Сэр,

Я сижу здесь, охотясь на белок, и знаю, что Вы проходите здесь по этой тропе. Я знаю, что Вы проходите мимо меня. Я нуждаюсь в Вас. Пожалуйста, придите когда-нибудь поговорить со мной. Я хочу кое-что Вам сказать.

Билли Бранхам

Прибив эту четвертушку бумаги к дереву, Билли пошёл домой, размышляя о том, что вернётся туда чуть позже, чтобы проверить, не вышло ли что-нибудь положительное из всего этого. Однако на следующий же день он засомневался, рассуждая: “Постой-ка. Ведь я никого там в лесу не видел. К тому же, если Бог везде, тогда я смогу встретиться с Ним в городе так же легко,

³¹ Иов 38:1 и 40:1. (Авт.) В русском синодальном переводе Библии, в отличие от английского, употребляется слово “буря” вместо “вихря”: “Господь отвечал Иову *из бури* и сказал”. (Пер.)

³² Конфирмация (от лат. *confirmatio* — утверждение) — у католиков и протестантов обряд приёма (в разных формах) в церковную общину подростков, достигших определённого возраста. (Пер.)

³³ Шаббат — священный день отдохновения. (Пер.)

как и в лесу. Но тогда я снова прихожу к своей первоначальной проблеме. Мне хочется поговорить с Богом, но я не знаю, как это сделать”.

Билли пошёл в старый сарай позади своего дома и закрыл за собой дверь. После дождя прошедшей ночью в сарае капала вода. Не обращая внимания на то, что земля была сырой, он встал на колени у разбитого, поржавевшего “Форда” модели “Т”, сосредоточиваясь на своём намерении, в отчаянном желании поговорить со своим Творцом. “Ну, как же мне это сделать? Я видел картинки, как люди молятся, и, кажется, они складывают свои руки вот так”, — пробормотал он. Затем он сложил ладони перед собой в традиционной позе молитвы. “Теперь, что же мне сказать? Ведь придётся как-то это сделать, и я не знаю как”. Единственное, что пришло ему в голову — это говорить наугад.

— Глубокоуважаемый Сэр, я хотел бы, чтобы Вы пришли и пару минут поговорили со мной. Я хочу сказать Вам, какой я плохой.

Он остановился и прислушался. В сарае по-прежнему царил мёртвая тишина. “Может быть, мне следовало сложить руки *вот так*”. Он сцепил пальцы и попробовал снова:

— Глубокоуважаемый Сэр, я просто не знаю, как правильно это делать, но я надеюсь, что Вы поймёте. Не поможете ли Вы мне?

Он опять остановился и прислушался — ничего.

Тут его чувства прорвались, и слёзы потекли из глаз:

— Сэр, даже если Вы не говорите со мной, я всё равно буду говорить с Вами. Господин Бог, во мне нет ничего хорошего. Я стыжусь самого себя. Простите, что все эти годы я пренебрегал Вами. Но теперь я нуждаюсь в Вас. Пожалуйста, придите поговорить со мной.

Вдруг он почувствовал в теле странное ощущение. Когда он открыл глаза и поднял голову, по спине его пробежал мороз, и его объял страх: перед ним сиял яркий янтарный Свет, образуя в воздухе крест правильной формы. Из глубин энергии этого Света раздался Голос, говоривший на языке, подобного которому Билли никогда раньше не слышал. Затем всё это исчезло.

Билли стоял на коленях в полном оцепенении, не в силах пошевелиться и дышать. Наконец, он овладел собой и сказал:

— Сэр, я не понимаю Вашего языка, но я полагаю, что мне как-то следует быть причисленным к этому кресту... и мои грехи должны лежать там. Если Вы прощаете меня, тогда просто вернитесь и проговорите снова на Вашем языке. Если Вы не можете говорить на моём языке, я пойму Вас на основании этого.

Крест снова появился, излучая свет и тепло. Билли закрыл глаза и протянул руки. Он пережил особенное чувство, будто тёплые капли дождя стучали по его телу. Вдруг он ощутил в себе покой и свободу, как если бы стопудовую ношу сняли с его плеч. Когда он открыл глаза, сверхъестественного Света уже не было.

Возбуждённый до предела, Билли выбежал из сарая и влетел в дом. Его мать вздрогнула, сказав:

— Билли, что случилось? Ты перенервничал?

— Нет, мама. Просто только что произошло нечто замечательное.

— Что такое?

— Не знаю, но я чувствую себя так хорошо!

Снова вихрем вылетел он во двор, ища, где бы излить свою радость. За его домом проходила железная дорога. Билли перелез через ограждение, обнесённое насыпью, и побежал по шпалам, время от времени подпрыгивая на бегу, давая выход своим чувствам и размахивая кулаками, как будто дрался со своей тенью. Наконец-то! Да, в конце концов, нашёл он Бога в кресте Иисуса Христа!

Спустя пару дней Элла сказала:

— Билли, прошлой ночью мне приснился сон о тебе. Я видела, как ты стоял на белом облаке, проповедуя всему миру.

Это поразило Билли и показалось странным — ведь его мать почти никогда не видела снов.

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ НА ВЕРУ

1932

ОСЕНЬЮ 1932 ГОДА Уилльям Бранхам проверял электрические счётчики в одном из переулков Нью-Олбани. В это время подъехала легковая машина и припарковалась за его служебным грузовиком. Дверца машины открылась, и оттуда вышла красивая девушка. Её чёрные волосы сияли на солнце, а тёмные глаза, казалось, пылали внутренним огнём. Всего лишь один взгляд в её сторону — и Билли отказался от своего решения быть холостяком.

Девушка разгладила складки на платье, взяла свёрток с сиденья машины и пошла. Билли бросило в пот. Если он ничего не скажет ей сейчас, то, возможно, никогда уже не увидит её. Он сделал решительный шаг.

— Здравствуйте, мадам. Хороший день, не правда ли?

Повернувшись, девушка улыбнулась:

— Хороший? Просто превосходный! — она подняла руки и закружилась. — Только посмотрите на клёны: полностью оранжевые и красные. Они прямо великолепны!

— Да, я тоже думаю, что они...гм...великолепны, — он же думал, что именно она великолепна. — Меня зовут Билли Бранхам. Я работаю в отделе коммунального обслуживания и сейчас просто проверял эти счётчики.

Девушка протянула свою руку.

— Рада познакомиться с тобой, Билли. Я Хоуп³⁴ Брумбах. **(Фото №8)** Может быть, слышал о моём отце Чарли Брумбахе? Он организатор железнодорожного товарищества.

— Нет, полагаю, что не знаю его. А ты живёшь где-то здесь?

— В том доме, вон там, — она указала рукой на дом, находившийся в конце улицы.

Билли почувствовал, что у него кое-что получается: он узнал не только её имя, но и где она живёт. Однако этого было недостаточно. Он продолжал задавать Хоуп вопросы, ища повод, чтобы вновь с ней увидеться. Во время знакомства он выяснил, что она христианка и посещает местную Миссионерскую Баптистскую Церковь на Уотт-стрит в Джефферсонвилле. Это был “первый шаг” к успеху.

— Знаешь, я совсем недавно, пару недель назад, стал христианином и пока ещё не хожу ни в какую церковь... Может быть, я посету твою церковь в это воскресенье и посмотрю, понравится ли мне.

— Я займу тебе место, — с улыбкой сказала она.

В следующее воскресенье, когда Билли вошёл в церковь, он увидел, что возле Хоуп для него было свободное место. После служения, перед тем как идти домой, они немного поговорили. Эта милая и приятная девятнадцатилетняя девушка заинтересовала его, как никакая другая женщина, какую он когда-либо встречал. Было нечто живительное в её радости и невинности. Его влекло к ней как магнитом, и он снова и снова приходил в церковь на Уотт-стрит, пока не стал посещать её регулярно.

Билли признался себе, что причина, по которой он предпочёл Миссионерскую Баптистскую Церковь любой другой церкви в городе, заключалась в том, что туда ходила Хоуп Брумбах. Однако вскоре у него появилось глубокое уважение к её пастору. Доктор Рой Дэвис проповедовал о том, что Бог ничуть не лучше Своего Слова, и что христианин ничуть не лучше своей веры в Божье Слово — утверждение, которое поразило Билли своей абсолютной истиной. Доктор Дэвис постоянно призывал своё собрание верить Божьему слову всем сердцем и

---

³⁴ Норе (англ.) — Надежда. (Пер.)

воплощать это Слово в повседневной жизни. Более того, этот пастор, похоже, претворял в жизнь то, что проповедовал.

Однажды доктор Дэвис рассказал историю о том, как в годы его молодости по стране разъезжал некий атеист, ходивший от одной церкви в другую и подвергавший веру христиан невероятному испытанию. Доктор Дэвис слышал его речь на огромном собрании в Мемфисе, штат Теннесси. Тот человек прочитал из 16-й главы Евангелия от Марка, где Иисус сказал: *“Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: Именем Моим будут изгонять бесов, будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы”*. Затем атеист поставил на подиум бутылку серной кислоты и бросил вызов аудитории:

— Эй, вы заявляете о себе как о христианах, но ведь Иисус сказал, что если верите, тогда сможете выпить любое смертоносное вещество, и оно не повредит вам. Так вот, если это вдохновенное Божье Слово, тогда выпейте эту серную кислоту.

Несколько раз повторил он свой вызов, критикуя христиан за отсутствие веры и насмехаясь над самим понятием существования Бога.

Молодой доктор Дэвис сказал пожилому методистскому епископу, сидевшему рядом с ним:

— Если этот неверующий ещё раз бросит такой вызов, я пойду туда и выпью её.

Епископ попытался отговорить его.

— Этот человек просто лезет из кожи вон. Оставь его в покое, сынок. В Библии говорится: *“Не искушай Господа Бога твоего”*³⁵.

Однако Дэвис был полон решимости.

— Нет, я не оставлю его в покое. И если я умру на своём посту, я пойду в небеса, веруя в Божье Слово!

Атеист смеялся, видя, как христиане смущённо поёживались на своих местах.

— А что насчёт вас, ребята, вон там? Вы ведь верите, что Бог так реален! Тогда пройдите-ка проверку этой серной кислотой.

Доктор Дэвис поднялся на подиум, повернулся и проговорил к аудитории численностью около трёх тысяч человек.

— Мне двадцать пять лет, и я служитель Евангелия. Я знаю, что мой Бог способен спасти меня от этой серной кислоты; но, тем не менее, если Он этого не сделает, я больше не позволю, чтобы этот неверующий стоял здесь и вот так подвергал сомнению Божье Слово.

Он взял серную кислоту и выпил до дна содержимое бутылки, не испытав при этом ничего, кроме резкой боли от вредного химического воздействия. Затем он проповедовал Евангелие с таким глубоким убеждением и жаром, что полторы тысячи людей заново посвятили свою жизнь Иисусу Христу.

Слушая эту историю, Билли подумал, что методистский епископ проявил больше благоразумия, чем доктор Дэвис. Разве должен кто-нибудь испытывать Бога? Не сказал ли Иисус о тех неверующих фарисеях: *“Оставьте их. Если слепой ведёт слепого, то оба упадут в яму”*?³⁶ Хотя Билли не соглашался с поступком доктора Дэвиса, он по-прежнему восхищался верой своего пастора.

Находясь в контакте с человеком такого глубокого убеждения, вдохновлённый Билли стал уделять больше внимания Божьему Слову. Припев псалма, первого из тех, что Билли выучил в церкви, звучал так: *“Быть, как Иисус мой, быть, как Иисус мой; хочу здесь быть таким, как Он. И в этой жизни, стремясь к Отчизне, прошу я быть таким, как Он”*. Эти слова стали постоянной молитвой в его сердце: *“Иисус, помоги мне быть таким, как Ты”*.

Прочитав Новый Завет во второй раз, Билли осознал, что ему нужно принять водное крещение. Он читал 28-ю главу Матфея, где Иисус сказал Петру и другим ученикам, чтобы они *“научили все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа”*. Затем он прочитал 2-ю главу Книги Деяний Апостолов, где Пётр, спустя несколько недель, повелел людям: *“И да крестится каждый из вас во Имя Иисуса Христа”*. Билли считал, что если кто-нибудь и знал, что

³⁵ Второзаконие 6:16; Матфея 4:7; Луки 4:12. (Пер.)

³⁶ Матфея 15:14. (Пер.)

Иисус подразумевал под Своим великим поручением, то это, должно быть, был Пётр и остальные ученики. Итак, Билли попросил доктора Дэвиса крестить его таким же образом, как крестили апостолы в Книге Деяний. Несмотря на то, что это шло вразрез с учением Миссионерской Баптистской Церкви, доктор Дэвис был обязан это сделать, и Билли был крещён в Имя Господа Иисуса Христа.

Много месяцев прошло с тех пор, когда с ним произошёл тот несчастный случай на газовом заводе в Нью-Олбани. Вместо того, чтобы улучшиться, здоровье Билла ухудшилось. Теперь голова его тряслась, даже когда он носил очки с толстыми линзами; без них он был почти слепым. Несмотря на его лёгкую диету, состоящую из ячменного отвара и сока чернослива, его желудок болел почти не переставая. Но больше всего тревожило то, что он чувствовал, как из-за неполноценного питания его силы и жизненная энергия медленно угасали.

Теперь же у него было новое лекарство — вера. Билли прочитал то, что сказал Иисус: *“И всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите”*³⁷. Затем он прочитал в 5-й главе Послания Иакова: *“Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во Имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь”*. Это был ответ на его нужду. Сразу же после прочтения этих слов Билли побежал домой к доктору Дэвису, прося, чтобы пресвитер помазал его елеем и помолился за него. После этого, радуясь и заявляя права на своё исцеление, он зашагал домой.

В тот вечер за ужином Билли положил свою Библию на стол, сообщил о своём исцелении и заявил, что с этих пор и впредь он будет есть так же, как и все.

Взволнованная такими словами, его мать предостерегла:

— Билли, я ничего не имею против того, чтобы у тебя была вера, но ты ведь знаешь, что сказал врач — всего лишь один кусок твёрдой пищи отнимет у тебя жизнь.

— Я также знаю, что сказал Бог; а Он сказал, что я исцелён! Может, помолимся?

Никогда раньше за столом Бранхамов не произносили молитву. Чарльз не знал, что и делать, поэтому просто ёрзал на стуле. Элла окинула своего сына беспомощным взглядом, полным беспокойства, и разразилась слезами. Билли склонил голову и помолился:

— Боже, если я и умру, я приду Домой, веруя в Тебя. Твоё Слово сказало, что я исцелён. Я должен принять или то, что сказал врач, или то, что сказал Ты. Я полагался на слова врача уже больше года, и мне от этого нисколько не лучше; на самом деле мне становится хуже. Я больше не буду принимать то, что сказал врач. Теперь я принимаю то, что сказал Ты. Пожалуйста, благослови эту пищу для наших тел; я прошу об этом во Имя Твоего Сына, Иисуса Христа. Аминь.

Отодвинув в сторону свой стакан с соком чернослива, Билли положил себе в тарелку бобов, лука и кукурузного хлеба. Как только первый кусок коснулся его желудка, пища стала подниматься назад. Билли приложил руку к губам, чтобы удержать кусок во рту, и затем снова его проглотил. Он тут же отрыгнулся. Билли опять его проглотил. Желудок не переставал протестовать вторжению твёрдой пищи, вызывая у Билли рвоту и покрывая его горло и рот жгучей кислотой. Однако Билл отказался принимать во внимание свой желудок. Он сосредоточил свои мысли на том, что Бог сказал об этом, а не на том, что он чувствовал; и он продолжал глотать ту же самую порцию бобов, пока они, наконец, не остались в желудке. Затем он откусил кусок вареного лука.

После ужина Билли закрылся в своей комнате. У него были ужасные боли в желудке, и он не мог сдерживать слёз. Периодически его рвало, и кислая жидкость вытекала изо рта. Ослабевший, он пел — пел простой псалом, который выучил в церкви: *“Я верю только Иисусу, Я верю только Иисусу, Я верю только Иисусу, что Им я исцелён”*. Он сильно ослаб и свалился на кровать, еле слышным шёпотом произнеся: *“Господь, я принимаю Тебя по Слово Твоему”*.

Его мать постучала в дверь.

— Как ты себя чувствуешь, Билли?

— Превосходно.

— Я позвонила врачу. Он сказал, что ты умрёшь.

Билл проглотил пищеварительный сок, собравшийся у него во рту.

— Я не умру, мама. Я чувствую себя замечательно!

---

³⁷ Матфея 21:22

Он говорил не об ощущениях в своём теле, но о том, как он чувствовал себя по отношению к Божьему обетованию.

На следующее утро, когда Билли вошёл в кухню, та кастрюля с бобами всё ещё стояла на плите. Элла повернулась и спросила:

— Что ты хочешь на завтрак, Билли?

— Я хочу ещё бобов и кукурузного хлеба.

Дни летели, а Билли по-прежнему страдал. Каждый приём пищи был физической борьбой: его желудок сворачивался с кислым “протестом”, а сам он слабел от головокружения. Однако в сферах веры он не боролся и не колебался. Он постоянно повторял слова Иисуса: *“Если сколько-нибудь можешь верить, всё возможно верующему”*³⁸. Это было его якорем, и, несмотря на все свои симптомы, он, напротив, продолжал свидетельствовать, что Иисус Христос его исцелил.

Билли также прочитал наставление апостола Павла: *“Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви”*³⁹, и от этих слов острый приступ вины поразил его сердце. На данный момент он был должен 2000 долларов за лекарства, купленные для его операции, и 300 долларов аптекарю, мистеру Мейсону, доброжелательному человеку, который никогда не отказывал ему в лекарствах, хотя и знал, какой бедной была семья Бранхамов. Помолившись, Билли осознал, что Бог не запрещал христианам брать в долг, но велел, чтобы они выплачивали, сколько могут, для покрытия долгов и не медлили с выплатой без нужды и причины.

Придя в аптеку, Билл сказал:

— Мистер Мейсон, я у вас в долгу, и я намерен вам всё это выплатить. Я ещё совсем слаб после операции, но я стараюсь работать. У меня есть работа в Компании коммунального обслуживания Индианы, и я зарабатываю 20 центов в час. Постараюсь выплачивать вам сколько-то с каждой зарплаты. Я стал христианином, поэтому моя первая обязанность — давать Богу. Во-первых, я должен платить Ему свою десятину. Затем, моя обязанность — оплатить свои долги. Денег мне сейчас не хватает: мой отец заболел, и мне приходится помогать содержать мать, семерых братьев и сестру. Но я постараюсь выплачивать вам, по крайней мере, 25 центов в каждый день платежа. И если я не смогу выплачивать даже этих 25 центов, я приду и скажу вам об этом.

Дни переходили в недели, а физически Билл всё ещё страдал. Однако, мало-помалу, в течение нескольких месяцев его состояние настолько улучшилось, что, наконец, он мог есть всё, что только хотел, не испытывая при этом никакого физического недомогания. Он также оправился от астигматизма, и очки ему больше не были нужны. Когда глазной врач проверил его, его зрение оказалось нормальным. Билл пылал от радости, и его уверенность в Божьих обетованиях сильно возросла.

---

³⁸ Марка 9:23

³⁹ Римлянам 13:8

ПРЕДОПРЕДЕЛЁННЫЙ К СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМУ ЕВАНГЕЛИЮ

1932

УИЛЛЬЯМ БРАНХАМ и доктор Рой Дэвис питали друг к другу взаимное уважение: Билли вдохновляла та вера, которую являл доктор Дэвис, а тот, в свою очередь, был впечатлён рвением молодого христианина. Некоторое время спустя он предложил Билли стать служителем. Доктор Дэвис как пастор был уполномочен своей национальной организацией предоставлять “трудовые контракты” (без какого бы то ни было официального обучения) людям, подающим надежды. Эти права, в сущности, делали их общепризнанными служителями в Миссионерской Баптистской Церкви. Билли не забыл своего обещания, данного Господу год назад, когда смерть приходила забрать его: если ему будет предоставлен в жизни ещё один шанс, он будет проповедовать Евангелие на углах улиц и с крыш домов. Он ликовал, имея теперь такую возможность.

Итак, в 1932 году, незадолго до Рождества, доктор Рой Дэвис посвятил Уилльяма Марриона Бранхама в служители Евангелия Иисуса Христа согласно законам и уставам Миссионерской Баптистской Церкви. Билли тогда исполнилось двадцать три года.

Спустя пару дней после своего посвящения в служители Билли находился в Нью-Олбани на своей работе, которая ему нравилась менее всего. Он должен был отключать услуги у тех людей, которые не могли оплатить своих счетов за воду, газ или электричество. Билли постучал в дверь, чтобы сообщить жильцам, что он был вынужден отключить у них свет. Женщина, открывшая дверь, начала беспощадно ругаться в его адрес.

При первом обращении Билли сказал:

— Гражданка, не надо так ругаться. Разве вы не боитесь Бога?

— Ты, пустоголовый идиот, — огрызнулась она, — если бы я и захотела, чтобы кто-нибудь поговорил со мной о Боге, то я уж не выбрала бы такого полоумка, как ты. А твоя мать, небось...

И тут она принялась оскорбительно и гнусно поносить его мать и её родословную.

Билли всегда говорил: “У мужчины, ударившего женщину, не хватает мужества ударить мужчину”. Но при встрече с женщиной, которая лила такую грязь на добропорядочность его матери, он мог бы изменить своему правилу. Случись это на год раньше, в данном случае он, по меньшей мере, вскипел бы от гнева и наорал на неё. Однако сейчас её оскорбления вовсе не беспокоили его. Точно как вода стекает с сапог, натёртых енотовым жиром, так и её поношения не могли нарушить покой, наполнявший душу Билли. Он вежливо ответил ей:

— Я буду молиться за вас, мадам.

Сказав это, он ушёл. Именно в этот момент Билли понял, что перемена, произошедшая внутри него, была подлинной и непоколебимой.

Его следующим служебным поручением было отключение коммунальных услуг в доме, из которого жильцы уже выселились. Поскольку здание было пустым, а дверь оставлена приоткрытой, Билл незаметно вошёл туда, чтобы помолиться и поблагодарить Господа.

Встав на колени на голом полу и сложив руки, он не успел ещё закрыть глаза, как комната вдруг переменилась. Стены больше не были покрыты яркими обоями в полоску — теперь они были полностью белыми. Да и сама комната уже не была пустой. Билли смотрел на пожилого чернокожего мужчину с усами и седыми волосами, который лежал будто бы на больничной койке. Похоже, мужчина попал в ужасную аварию: его грудь, руки и ноги были забинтованы.

Около койки, ближе к Биллу, стояла пожилая чернокожая женщина. (Возможно, это была жена этого незнакомца, поскольку на вид ей было столько же лет, сколько и ему.)

Краешком глаза Билли заметил в комнате какое-то движение. Повернувшись, он увидел, как в комнату вошли белокожие парень и девушка и встали у дальнего края кровати. Их лица были печальными, но Билли не смог определить, какая связь могла быть между ними и забинтованным мужчиной. Затем в комнату вошли ещё двое молодых людей. Они встали, повернувшись к кровати, и Билли не мог разглядеть их лица. Даже со спины эти двое мужчин казались ему очень знакомыми. Да, конечно же, одного из них он узнал. Это был его друг, Джордж ДеАрк, которого он совсем недавно, пару недель назад, привёл к Господу. А другой? Он напряг зрение и разум. Кто же из его знакомых мог красоваться чёрными курчавыми волосами? В этот момент тот мужчина повернулся, чтобы поговорить с пожилой женщиной, стоявшей рядом с ним. Билли вздрогнул от изумления — ведь он смотрел на самого себя!

Склонив голову над койкой, он стал молиться за чернокожего пациента. Мужчина тотчас сел на кровати и начал снимать с себя повязки и бинты. Затем в комнату вбежало много врачей и медсестёр, и очертания кровати начали блекнуть и расплываться, пока сцена полностью не исчезла, и Билли увидел себя в другом месте. Теперь он стоял на улице напротив больницы и наблюдал, как открылась парадная дверь, и оттуда вышел тот самый пожилой мужчина; он опускался по ступенькам, будто вообще никогда не был покалечен. Бинтов и повязок уже не было, он был одет в коричневое пальто, а на голове у него был цилиндр. Внезапно это зрелище прекратилось, и Билли обнаружил, что снова стоит на коленях на голом полу в пустом доме, стены которого покрыты обоями в полоску.

Что же произошло? Где он был? Он не сдвинулся ни на сантиметр с того места, где стоял на коленях, однако, каким-то непонятным образом, он побывал в больнице и был участником невероятного события, развернувшегося там. Как же это могло случиться? Это был не сон: он не спал, а бодрствовал. К тому же, всё, происходившее в больнице, выглядело так же реально, как и то, что теперь он стоял со сложенными в молитве руками.

Хотя Билли не знал, что всё это могло означать, он, тем не менее, сторгал от желания рассказать об этом видении первому встречному, кто захотел бы его выслушать. Им оказался Джон Поттс, один из христиан, который сидел в приёмной конторке компании коммунального обслуживания. Было это как раз перед окончанием работы. Мистер Поттс не перебивал, слушая рассказ Билли о его видении, а просто время от времени вставлял: “Угу... неужели?!.. надо же! Это интересно”.

На следующее утро, как только Билл прошёл в дверь, мистер Поттс отозвал его в сторонку.

— Послушай, Билли, что насчёт того сна, который приснился тебе вчера днём?..

— Мистер Поттс, это был не сон. Я был в бодрствующем состоянии, как и теперь. Я точно не знаю, что это было — полагаю, какой-нибудь транс.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Во всяком случае, у меня, возможно, есть ключ к разгадке. Вчера вечером я навещал одного из своих друзей в Католической Больнице Нью-Олбани. Один из пациентов, находящихся там, соответствует описанию мужчины в твоём... гм... транс. Его зовут Уильям Мэррилл. Это негр лет шестидесяти пяти, находящийся в очень тяжёлом состоянии. Я немного поговорил с ним вчера. У него, по-моему, есть повозка с двумя лошадьми, и он зарабатывает себе на жизнь, убирая мусор в аллеях Нью-Олбани. Два дня назад какой-то парень с девушкой неслись в машине, на углу потеряли управление и врезались в его повозку, поломав ему руки, ноги и позвоночник. Я рассказал ему о тебе и твоём транс. Он сильно воспрянул духом и умолял, чтобы я попросил тебя прийти и помолиться за него.

— Всё же интересно, этого ли мужчину я видел?

Весь день Билли не мог успокоиться, стараясь предположить, что бы произошло, если бы он и вправду помолился за человека, находившегося в таком тяжёлом состоянии, в котором, очевидно, был мистер Мэррилл. От одной этой мысли Билл занервничал. Сядет ли этот мужчина, на самом деле, на кровати и начнёт ли снимать с себя повязки и бинты? Затем Билли подумал о том, что он слышал в проповедях доктора Дэвиса, побуждавшего христиан верить в сверхъестественную Божью Силу, совершающую чудеса. К тому времени, когда Билли закончил работу, он почувствовал, что был готов ко всему. Разыскав своего друга, Джорджа ДеАрка, он выложил ему всю эту потрясающую историю.

— Конечно, Билли, я пойду помолиться с тобой за того человека, — сказал Джордж.

Пока они поднимались по ступенькам в больницу, Билли объяснил:

— Брат Джордж, со мной происходят какие-то странные вещи, которые я не могу понять; но одно знаю точно: я не смогу помолиться за этого пожилого мужчину, пока в комнате не будет тех двух белокожих, которые, затем, встанут по другую сторону кровати. Я должен сделать всё в точности так, как мне было показано, поэтому не знаю, случится ли это сегодня вечером или нет. Но вот увидишь — этот человек будет исцелён.

Когда они вошли, Билли спросил о мистере Мэррилле, и его провели в палату. Один лишь взгляд на человека, лежавшего в постели — и Билли понял, что попал как раз туда, куда нужно. Именно этого мужчину он видел вчера.

— Добрый вечер, сэр. Меня зовут Билли Бранхам. Прошлым вечером здесь был один мужчина, который рассказал вам обо мне.

Пожилой пациент от нетерпения зашевелился.

— О-о! Вы и есть тот парень, кто помолится за меня, чтобы я исцелился?

Его жена, стоявшая у койки, нахмурила брови и начала читать Билли лекцию:

— Молодой человек, я думаю, вы не осознаёте, в каком тяжёлом состоянии находится мой муж. У него не только высокая температура, до 40 градусов, но, к тому же, рентгеновские снимки показывают, что его поломанные рёбра соприкасаются с лёгкими. Одно неосторожное движение — и зазубренные концы могут пронзить ему лёгкое, а в худшем случае — перерезать артерию, и он истечёт кровью. Я на самом деле считаю, что вам не следовало сюда приходить и приводить его в такое возбуждение.

Однако мистер Мэррилл смотрел на это иначе.

— Давай хотя бы выслушаем парня.

Билли пересказал им то, что пережил вчера. Как только он закончил говорить, в комнату вошли парень и девушка. Мистер Мэррилл представил их, сказав, что они как раз те два человека, которые врезались своей машиной в его повозку. Они оба сожалели о случившейся аварии и выражали искреннюю озабоченность состоянием старичка. С печальным, серьёзным выражением лиц обошли они койку и встали возле неё, ближе к стене.

Как раз этого Билл и ждал. Он склонил голову и только начал молиться, как мистер Мэррилл закричал:

— Я исцелился! — и тотчас сел на кровати.

Его жена вскрикнула:

— Уилльям, нет! — и попыталась уложить его снова на матрац. В палату вихрем примчался студент-медик. Он также старался удержать мистера Мэррилла в горизонтальном положении, но пожилой мужчина, тем не менее, смог вылезти из постели, не переставая кричать:

— Я исцелён! Я исцелён!

Тут прибежали медсёстры и врачи. Одна из сестёр-католичек ворвалась в палату и сказала Биллу с Джорджем:

— Вам двоим придётся уйти отсюда сейчас же. Мы не можем позволить вам доводить этого человека до такого возбуждения. Он тяжело болен.

Когда Билли и Джордж удалились, Уилльям Мэррилл пытался переодеться в свою одежду, в то время как врачи старались уговорить его снова лечь в постель. Выйдя на улицу, Билли остановился у подножия больничных ступенек и сказал Джорджу:

— Давай подождём здесь. Вот увидишь, он будет одет в коричневое пальто, на голове у него будет цилиндр, и через пару минут он сойдёт вниз вот по этим ступенькам.

Прошло несколько минут... И вот мистер Мэррилл вышел со своей супругой, спускаясь по ступенькам, полный жизненных сил, словно в больнице он был не пациентом, а всего лишь посетителем. Он был одет в коричневое пальто, а на голове у него был цилиндр — в точности, как предсказал Билли.

Джордж спросил старичка:

— Как же вам удалось вырваться на свободу от всех тех врачей?

Мистер Мэррилл широко улыбнулся из-под седых усов.

— Они измерили температуру, у меня совсем не было жара, так что они просто отпустили меня домой.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Билли проснулся на рассвете. Пока он нащупывал в полутьме свою одежду, комнату вдруг залил яркий свет, будто кто-то зажёл его, нажав кнопку выключателя.

В то же мгновение Билли осознал, что он уже не находится в своём доме. Комната, в которой он оказался теперь, была больше его спальни; она была чем-то похожа на гостиную с присущей ей мебелью: диваном, мягким креслом с невысокой спинкой, оттоманкой⁴⁰, приставными столиками, лампами. Исключение составляла высокая кровать, стоявшая в углу комнаты. На этой кровати лежала женщина средних лет, изуродованная параличом. Билли с изумлением наблюдал, как скрученные конечности этой женщины выпрямились, придя в нормальное состояние. Женщина слезла с кровати и направилась к Билли, что позволило ему как следует рассмотреть её лицо. Затем он снова оказался в полумраке своей комнаты.

Долго сидел Билли на краю своей кровати, ломая голову над этим. Очевидно, Господь Иисус собирался ещё кого-то исцелить. Но кого же? И когда? “Что ж, возможно, я сегодня же узнаю, где она находится”, — подумал он.

В этот день исполнение служебных обязанностей привело его к дому под номером 2223 на Ист Оук-стрит в Нью-Олбани. С одной стороны многоквартирного дома, сдаваемого в аренду, выселилась одна семья, и Билли должен был отключить воду только на той стороне; однако на распределительном щите невозможно было разобрать, какой счётчик относился к какой стороне дома. Он закрутил вентиль на одном из счётчиков и пошёл на жилую сторону дома, чтобы всё проверить.

На его стук дверь открыла симпатичная бедно одетая девочка-подросток.

— Что вам угодно?

— Я работаю в компании коммунального обслуживания. Не могли бы вы открыть водопроводный кран? Я хотел бы убедиться, что не отключил вам воду.

— Конечно, — ответила девочка и отправилась на кухню, повернув за угол.

Стоя на пороге, Билли заметил в гостиной женщину, лежавшую на кровати, чем-то напоминавшей больничную койку. Тело её было изуродовано параличом, отчего она была похожа на съевшегося паука. Голова её, благодаря спинке кровати, была поднята и обращена к двери так, что Билли мог отчётливо видеть её лицо. Его сердце радостно забилося: это была именно та парализованная женщина, которую он видел утром в видении. Она читала книгу в чёрной обложке, а на полу, возле кровати, лежала газета с раскиданными страницами.

— Здравствуйте, мадам. Меня зовут Билли Бранхам.

— Здравствуйте. Меня зовут Мэри Дер Оханион. Там моя дочь Дороти.

Дороти возвратилась в комнату и сказала:

— Нет, вода всё ещё течёт.

— Что ж, полагаю, я отключил именно тот счётчик, который нужно. Спасибо, что проверили.

Однако он ещё не уходил. Каким-то образом он должен был завязать разговор с этой парализованной женщиной.

— А что вы тут читаете?

— Армянскую Библию, — ответила она.

Он бросил ей вызов:

— Вы верите?

Миссис Дер Оханион положила книгу себе на колени.

— Дороти теперь семнадцать лет. Со дня её рождения я парализована и прикована к постели. Но этим утром я прочитала в газете о мужчине, который был исцелён в Католической Больнице, и я сказала: “И для меня есть надежда”. Подождите, вы сказали, что ваша фамилия Бранхам?

Она сняла свои очки для чтения, чтобы всмотреться в молодого человека, стоявшего на пороге её гостиной. Сопоставив этого слесаря-сантехника с неизвестным Бранхамом, о котором прочитала в газетной статье, она изменила выражение лица.

---

⁴⁰ Оттоманка — широкий и низкий мягкий диван с валиками и подушками, заменяющими спинку, с валиками по бокам. (Пер.)

— Не вы ли тот муж Божий, который исцелил чернокожего мужчину вчера вечером?

— Нет, мадам, я не исцелитель. Мне, каким-то образом, было показано, что я должен помолиться за того человека. Господь Иисус есть Исцелитель — не я.

Женщина кивнула головой.

— С тех пор, как я прочитала о том чуде, я прошу Бога, чтобы Он совершил его и в моей жизни. Не могли бы вы помолиться за меня?

Билли посмотрел на женщину: её конечности были скручены и атрофированы уже семнадцать лет. Он сказал с осмотрительностью:

— Я помолюсь об этом и затем вернусь.

Найдя место, где он мог уединиться с Богом, Билли молился до тех пор, пока его уверенность не пришла в соответствие с видением. Потом он поехал к дому Джорджа ДеАрка.

— Брат Джордж, я встретил ту женщину, о которой рассказывал тебе сегодня утром. Я знаю, что это именно она. Давай поедem туда вместе.

Они оба вошли в дом и встали у кровати миссис Оханион. Женщина прижимала к сердцу свою армянскую Библию, в то время как Дороти и её восьмилетний брат прятались за новогодней ёлкой, в другом конце гостиной, посмеиваясь над этой затеей. Подумать только — их мать встанет с постели, пролежав семнадцать лет! Вот так шутка!

Билл не обращал внимания на детей.

— Миссис Оханион, Господь Иисус исцелит вас.

Билли и Джордж встали на колени и начали молиться. Свет может касаться зрачков даже при закрытых глазах, поэтому сквозь свои сомкнутые веки Билли увидел, что над миссис Оханион зажгётся свет. Он открыл глаза, ожидая увидеть электрическую лампочку, но вместо этого он увидел огненное кольцо янтарного цвета, кружившееся над её кроватью. Трепет объял его — благоговейный страх вперемешку с нарастающим любопытством. Это, похоже, был тот же Свет, который образовал в воздухе крест, когда он молился в сарае за своим домом.

Вдохновлённый, Билли наклонился вперёд, взял за руку парализованную женщину и сказал:

— Миссис Оханион, Господь Иисус сказал мне сегодня утром, что вы будете здоровой. Поднимитесь на ноги и ходите во Имя Иисуса.

Откинув в сторону свои покрывала, она, извиваясь, стала ползти, как гусеница, к краю постели, используя свои иссохшие руки и ноги. У Билла невольно промелькнуло опасение: если позволить ей упасть с этой высокой кровати, она может сломать себе шею, когда ударится об пол. Затем его разум осенило видение об Уилльяме Мэррилле. Каким совершенным, каким безошибочным было оно! При этой мысли уверенность вернулась к Билли.

Как только миссис Оханион начала плавно соскальзывать с края постели, её обе ноги выпрямились у всех на глазах. Дороти испустила пронзительный безумный крик, и, вырывая у себя на голове волосы, пулей выбежала за дверь, не переставая кричать во всё горло. Со всех сторон сбежались соседи, хлопая дверями и тараща глаза, не в силах поверить увиденному. Они наблюдали, как их соседка, Мэри Дер Оханион, впервые за семнадцать лет ходила по своей гостиной, подняв над головой две совершенно здоровые руки и восхваляя Господа Иисуса Христа на своём родном армянском языке.

Билли вернулся домой возбуждённый и обрадованный удивительными видениями, которые предшествовали таким чудесам. Однако вскоре его воодушевление приутихло, а радость сменилась томлением. Следующее его видение поразительнейшим образом отличалось от всех предыдущих. Когда Билл описал это видение своему пастору, ответ пастора привёл его в замешательство. А это, в свою очередь, развернуло перед ним продолжительный период неопределённости, — неопределённости, подтолкнувшей его на поиски разгадки тайны, скрывавшейся за его необычной жизнью. Впоследствии эта тайна дала начало величайшему в мире служению веры и исцеления.

Пояснения автора

ДЛЯ ТЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ, которых интересует достоверность и точность событий и фактов в этой книге, мои авторские комментарии должны быть полезными.

Изображая события в первой главе первой книги, я намеренно “сгустил краски”, чтобы те, кто никогда не слышал об Уильяме Бранхаме, заинтересовались повествованием. Разговоры, записанные в первой главе, являются моим предположением. Однако основные моменты этой истории точны. Например, биографические данные о жизни Эллы Харви Бранхам и Чарльза Бранхама, и такие мельчайшие подробности в описании внешнего и внутреннего вида избушки, как сальная свеча, тот факт, что бабушка Бранхам за всю свою жизнь никогда не носила обуви, и что Чарльз Бранхам отправился в Берксвилл купить себе новый комбинезон в честь рождения первенца — все эти детали были описаны самим Уильямом Бранхамом, рассказывавшим некоторые факты из своей биографии слушателям по всей Америке.

В последующих главах биографические описания взяты непосредственно из свидетельств самого Уильяма Бранхама. В течение девятнадцати лет его проповеди записывались на плёнку, и в них он неоднократно рассказывал эти истории каждый раз по-разному. Как и любой из нас, рассказывая что-либо много раз, он также при каждом повествовании то добавлял, то опускал некоторые подробности. Я попытался связать вместе как можно больше данных, чтобы получилась более полная картина. Для тех, кто заинтересован прочитать эти истории именно в том виде, как их рассказывал Уильям Бранхам, легче всего было бы приобрести его проповеди, записанные на компьютерных компакт-дисках в несокращённом виде. (В разделе “Литература и источники информации” представлен список мест, где проповеди Уильяма Бранхама можно приобрести в печатном виде, на аудиокассетах, на аудио компакт-дисках, на компьютерных дисках и в Интернете.)

Если в моей книге Вас озадачит какое-нибудь утверждение, не упомянутое самим Уильямом Бранхамом, помните, что его проповеди, записанные на плёнку, не были единственным источником информации, из которого я черпал материал для этой биографии. Я также использовал газетные и журнальные статьи, книги, перечисленные в разделе “Литература и источники информации”; к тому же, личные свидетельства людей, которые были знакомы с Уильямом Бранхамом. Например, случай с голубем (который сел в то предзвездное утро на окно избушки), описанный в первой главе, рассказал Генри Бранхам — двоюродный брат Уильяма Бранхама, — чья мать была одной из повивальных бабок при рождении Уильяма Бранхама. Этот случай описывается в журнале “Только верь!” (“*Only Believe*”) за август 1988 года (Раздел 1 № 2, стр. 18).

Любая биография — это всего лишь описание жизни. Поскольку каждый биограф пишет, пропуская всё через свою собственную призму, то и его книга отображает личное виденье и понимание исследуемого предмета. Вот почему имеется свыше 900 биографий, описывающих жизнь Авраама Линкольна. И не удивительно, ведь даже описание автобиографий зависит от взгляда на факты в разные периоды жизни автора. Хотя Бенджамин Франклин написал одну из популярнейших автобиографий за всю историю Америки, с тех пор много биографий было написано о нём самом. Видно, многое ещё нужно было обсудить, причём с различных ракурсов.

Эта биография, разумеется, отображает моё личное представление об Уильяме Бранхаме. Это понимание развилось за многие годы моих молитв и исканий. Я старался оставаться верным этим фактам и Духу Божьему, Который был Вдохновителем необычайной жизни этого человека. Тем не менее, есть возможность узнать намного больше о его переживаниях и учении. Когда Вы закончите читать эту биографию, самым лучшим источником, откуда Вы сможете узнать больше, будет, несомненно, прослушивание проповедей самого Уильяма Бранхама, записанных на плёнку и на компьютерных компакт-дисках, или чтение их в печатном виде.

Ваши усилия и время будут щедро вознаграждены.

Литература и источники информации

1. “Деяния Пророка”, Пэрри Грин, 1969 г. (*Acts of the Prophet*, by Pearry Green). Книга охватывает основные моменты жизни Уильяма Бранхама, а также личные переживания Пэрри Грина при общении с ним. 207 страниц. На английском языке можно приобрести в Скинии Тусона по следующему адресу: Tucson Tabernacle, 2555 North Stone Avenue, Tucson, Arizona 85705, USA. Книгу, переведённую на русский язык, можно заказать по следующему адресу: Denis Petsevitch, a/k 24, Kekava, Rigas rajons, LV-2123, LATVIJA. <http://www.message.lv>; denis@latnet.lv
2. “Всё возможно: харизматические и исцелительные пробуждения в современной Америке”, Дэвид Харрелл, младший, 1975 г. (*All Things Are Possible: The Healing and Charismatic Revivals in Modern America*, by David Harrell, Jr.). Показывает, как служение Уильяма Бранхама дало начало резкому подъёму активности в других служениях исцеления и пробуждения в 50-х годах. 304 страницы. На английском языке можно приобрести в Университете Штата Индиана: Indiana University Press, 601 North Morton Street, Bloomington, Indiana 47404, USA.
3. “Христос — Исцелитель”, Ф. Ф. Босворт, 1973 г. (*Christ the Healer*, by F. F. Bosworth). Сборник проповедей Фреда Босворта, проповеданных им в 20-е и 30-е годы, где он доказывал Писаниями, что Иисус Христос по-прежнему Исцелитель и в наши дни. 241 страница. На английском языке можно приобрести в World Outreach Publications, P.O. Box 4402, Dallas, Texas 75208, USA.
4. “Следы на песках времени” (*Footprints on the Sands of Time*), опубликовано “Издательством Изречённого Слова” (Spoken Word Publications), 1975 г. Сборник историй, рассказанных Уильямом Бранхамом о своей необычной жизни. Взято из его проповедей, записанных на плёнку, и напечатано в виде автобиографической книги. 700 страниц.
5. “Я не воспротивился небесному видению” (*I was Not Disobedient to the Heavenly Vision*), Уильям Маррион Бранхам, 1947 г. Повествуется об исцелении семилетней Бетти Догерти и приводится ежедневное описание последующей исцелительной кампании Уильяма Бранхама в Сент-Луисе, штат Миссури. 27 страниц.
6. “Иисус Христос вчера, сегодня и вовеки Тот же” (*Jesus Christ The Same Yesterday, Today and Forever*), Уильям Маррион Бранхам, 1936 г. Краткое описание его раннего призвания к служению и первых видений и исцелений после его обращения в 1932 году. 21 страница. Можно приобрести в Voice of God Recordings, Inc., P.O. Box 950, Jeffersonville, Indiana 47131, USA.
7. Журнал “Только верь!” (*Only Believe*), издатель Ревекка Бранхам Смит. Этот журнал отводит главное место статьям о жизни и служении Уильяма Бранхама. На английском языке можно приобрести в Интернете на сайте www.onlybelieve.com
8. “Уильям Бранхам — человек, посланный Богом”, Гордон Линдсей (совместно с Уильямом Бранхамом), 1950 г. (*William Branham, A Man Sent From God*, by Gordon Lindsay). Охватывает жизнь Уильяма Бранхама вплоть до 1950 года и включает статьи, написанные Джеком Моором, Гордоном Линдсеем и Фредом Босвортом. 216 страниц. Можно приобрести в The William Branham Evangelistic Association, P.O. Box 325, Jeffersonville, Indiana 47131, USA.
9. “Пророк Уильям Бранхам посещает Южную Африку”, Юлиус Стедсклю, 1952 г. (*William Branham, A Prophet Visits South Africa*, by Julius Stadskev). Подробный отчёт поездки Уильяма Бранхама в Южную Африку в 1951 году. 204 страницы. Можно приобрести в: The William Branham Evangelistic Association, P.O. Box 325, Jeffersonville, Indiana 47131, USA.

Проповеди Уилльяма Бранхама на английском языке можно приобрести в:

Bible Believers, 18603-60th Avenue, Surrey, BC V3S-7P4, Canada

Вы можете слушать или печатать проповеди в Интернете на сайте www.bibleway.org

End Time Message Tabernacle, 9200 - 156 Street, Edmonton, Alberta T5R 1Z1, Canada

The Word Publications, P.O. Box 10008, Glendale, Arizona 85318, USA

Voice of God Recordings, P.O. Box 950, Jeffersonville, Indiana 47131, USA. Здесь можно приобрести проповеди, записанные на аудиокассетах, аудио компакт-дисках и напечатанные в виде книг. Имеется список всех распространяемых проповедей. К тому же, Voice of God Recordings распространяет проповеди Уилльяма Бранхама, записанные на компьютерных компакт-дисках вместе с поисковой программой на английском языке.

Книги, брошюры, кассеты и аудио компакт-диски с переводом проповедей Уилльяма Бранхама на русский язык можно приобрести в:

“Его слушайте!” Vytenio 50-414, Vilnius 03229, Lietuva (Lithuania)

VOICE OF GOD RECORDINGS, PL 1, 02761 ESPOO, FINLAND

Компьютерный диск с новой русской версией “Поисковой программы в проповедях У. М. Бранхама” можно приобрести, написав свой почтовый адрес по электронному адресу denis@latnet.lv или по адресу *Denis Petsevitch, a/k 24, Kekava, Rigas rajons, LV-2123, LATVIJA*. Эта поисковая программа (выпуск 2) теперь содержит в себе весь текст Библии (Синодальный перевод) и свыше 200 проповедей Брата Бранхама. Все новые переводы и откорректированные переводы вы можете взять на данном интернет-сайте (www.message.lv) и пополнить свою программу.

Предметный указатель

Б

- Бранхам, бабушка**
помогает при рождении Билла
- Бранхам, Генри**
- Бранхам, Говард Даффи**
- Бранхам, Джеймс Дональд**
("Донни")
- Бранхам, Джесси**
- Бранхам, Мэлвин**
- Бранхам, Уильям (Билл)**
духовные переживания в детстве
исцелился от болезни желудка
"исчезнувшая" кукуруза
крещён в Имя Господа Иисуса Христа
написал письмо Богу
написал стихотворение
начал ходить в школу
огнестрельное ранение
операция ног
отравление газом
посвящён Богу в младенчестве
посвящён в служители
работа в компании коммунального обслуживания
работа заместителем инспектора по охране дичи
родился в 1909
родословная
Свет при духовном обращении
Свет при рождении
стал боксёром
стал ковбоем
угроза замерзания
удаление аппендицита
- Бранхам, Фэй Дэлорес ("Дэлорес")**
- Бранхам, Чарльз, старший**
- Бранхам, Чарльз Эдвард, младший**
- Бранхам, Эдвард**
умер в 1929
- Бранхам, Эдгар Ли ("Док")**
- Бранхам, Элла (Харви)**
сон о Билли, проповедовавшем на белом облаке
угроза замерзания
- Брумбах, Хоуп**
встреча с Билли Бранхамом

В

- Видения**
исцеление Мэри Дер Оханион
исцеление Уильяма Мэррилла
крест на Западе
мост над рекой Огайо
- Вихрь Божий**

Г

- Голубь**
при рождении Билла

Д

- ДеАрк, Джордж**
был в видении У. Бранхама
- Духовные переживания**
впервые услышал голос Ангела
- Дэвис, доктор Рой**
принял вызов неверующего

И

- Исцеление**
Мэри Дер Оханион
Уильяма Мэррилла

П

- Песни**
ковбойская баллада
"Там, на кресте"
- Пещера в Туннель-Милл**
Билл обнаружил её
- Пророчества**
"Вы будете жить недалеко от города под названием Нью-Олбани".
"Когда повзрослеешь, для тебя будет труд".

С

- Сверхъестественные переживания**
был удержан от курения
был удержан от пьянства
был удержан от убийства
в мире потерянных душ
гадалка увидела Свет,
сопровождаящий его
Голос из вихря на тополе
женщина-астролог увидела его ауру
"Никогда не пей, не кури и не оскверняй своего тела никаким образом."
увидел сияющий в небе крест
"Я звал тебя, а ты не шёл."
- Сверхъестественный Свет**
при его рождении
- Сон**
Эллы Бранхам о Билле,
проповедовавшем на белом облаке
- Стихотворение**
написанное Билли Бранхамом
"Псалом Жизни" Г. Лонгфелло
- Сухой закон**

Т

Туннель-Милл

местность для охоты и рыбалки

У

Учения

божественное исцеление

выплата долгов

десятина

крещение в Имя Господа Иисуса

Христа

Э

Эдер, Сэм

друг Билла с детства

Информация о книгах

Книга первая: Парень и его лишения (1909 — 1932)

С самого момента рождения Уильям Бранхам был незаурядным человеком. В детстве, терзаемый нищетой и отвержением, он стал нервным ребёнком. С ним постоянно происходили необычные, полные таинственности духовные явления... Однако о Боге он не задумывался, пока в четырнадцать лет с ним не произошёл несчастный случай с ружьём, когда в результате выстрела он едва не лишился обеих ног. Лёжа при смерти в луже крови, он увидел ужасающее видение об аде — ощутил, как без остановки падал в глубинные пределы потерянных и скитающихся душ. Он воззвал к Богу о милости, и чудом ему был предоставлен второй шанс, — шанс, который он потом едва не упустил.

Книга вторая: Молодой человек и его отчаяние (1933 — 1946)

Как молодой пастор Уильям Бранхам изо всех сил старался понять свою необычную жизнь. Почему же он был единственным служителем в городе, видевшим видения? В 1936 году Бог впервые призвал его проповедовать Евангелие по всей стране, однако он отверг Божий зов, и за эту ошибку ему пришлось дорого поплатиться: его жена и дочь умерли от туберкулёза. Видения же по-прежнему являлись. Служители говорили ему, что эти видения от сатаны. Наконец, отчаяние подтолкнуло его на поиски Бога в лесной глуши, где он встретился лицом к лицу со сверхъестественным существом. Тот Ангел дал ему поручение от Бога — принести дар божественного исцеления людям по всему миру. Когда Уильям Бранхам стал утверждать, что люди не поверят, что Ангел на самом деле встретился с ним, Он сказал, что ему будут даны два сверхъестественных знамения для подтверждения его призвания. Тогда уж им придётся поверить. *И они действительно поверили!*

Книга третья: Муж Божий и его поручение (1946 — 1950)

Вскоре после того, как Ангел посетил Уилльяма Бранхама и сказал ему, что он предопределён принести дар исцеления людям по всему миру, появилось первое знамение — физическая вибрация в его руке, которая появлялась только тогда, когда он прикасался к руке человека с вирусным заболеванием. Удивительный дар Уилльяма Бранхама привлёк внимание всей страны в течение двух месяцев после полученного им поручения. Многотысячные толпы присутствовали на его собраниях, во время которых он проповедовал спасение и божественное исцеление во Имя Иисуса Христа. Количество чудес умножалось. Мир не видел ничего подобного этому со дней Иисуса, когда Он ходил по Галилее, изгоняя бесов и исцеляя всех больных и немощных.

Тем не менее, некоторые люди всё ещё сомневались, на самом ли деле Ангел встречался с этим смиренным человеком. Затем появилось второе знамение... и им пришлось поверить!

Книга четвёртая: Евангелист и его одобрение (1951 — 1954)

Уилльям Бранхам — парадокс в современной истории. В 1946 году его служение, ранее неизвестное, менее чем через полгода сделало быстрый скачок и получило признание по всей стране. С течением времени оно воспламенило международное исцелительное пробуждение. Совершил он этот подвиг благодаря уникальному дару — сверхъестественному знамению, которое приковало к себе всеобщее внимание. Вскоре христиане по всему миру начали это замечать. В период 1951-1954 г.г. Уилльям Бранхам впервые за всю историю проводил крупнейшие христианские собрания: так, например, на одном из собраний в Бомбее, Индия, присутствовало около 300 000 человек. Спрос на его служения в Америке и за рубежом казался неистощимым. Однако Уилльям Бранхам не был полностью удовлетворён. Что-то, казалось, было не в порядке. Долгое время он не понимал, в чём это заключалось, но к концу 1954 года он узнал об этом. Его служение должно было перемениться.

Последующие книги:

Книга пятая: Учитель и его отвержение (1955 — 1959)

Книга шестая: Пророк и его откровение (1960 — 1965)

Книги на английском языке можно заказывать по адресу:

Tucson Tabernacle
2555 North Stone Avenue
Tucson, Arizona 85705
USA

КНИГА ПЕРВАЯ:
ПАРЕНЬ И ЕГО ЛИШЕНИЯ

(1909 — 1932)

С самого момента рождения Уилльям Бранхам был незаурядным человеком. В детстве, терзаемый нищетой и отвержением, он стал нервным ребёнком. С ним постоянно происходили необычные, полные таинственности духовные явления... Однако о Боге он не задумывался, пока в четырнадцать лет с ним не произошёл несчастный случай с ружьём, когда в результате выстрела он едва не лишился обеих ног. Лёжа при смерти в луже крови, он увидел ужасающее видение об аде — ощутил, как без остановки падал в глубинные пределы потерянных и скитающихся душ. Он воззвал к Богу о милости, и чудом ему был предоставлен второй шанс, — шанс, который он потом едва не упустил.